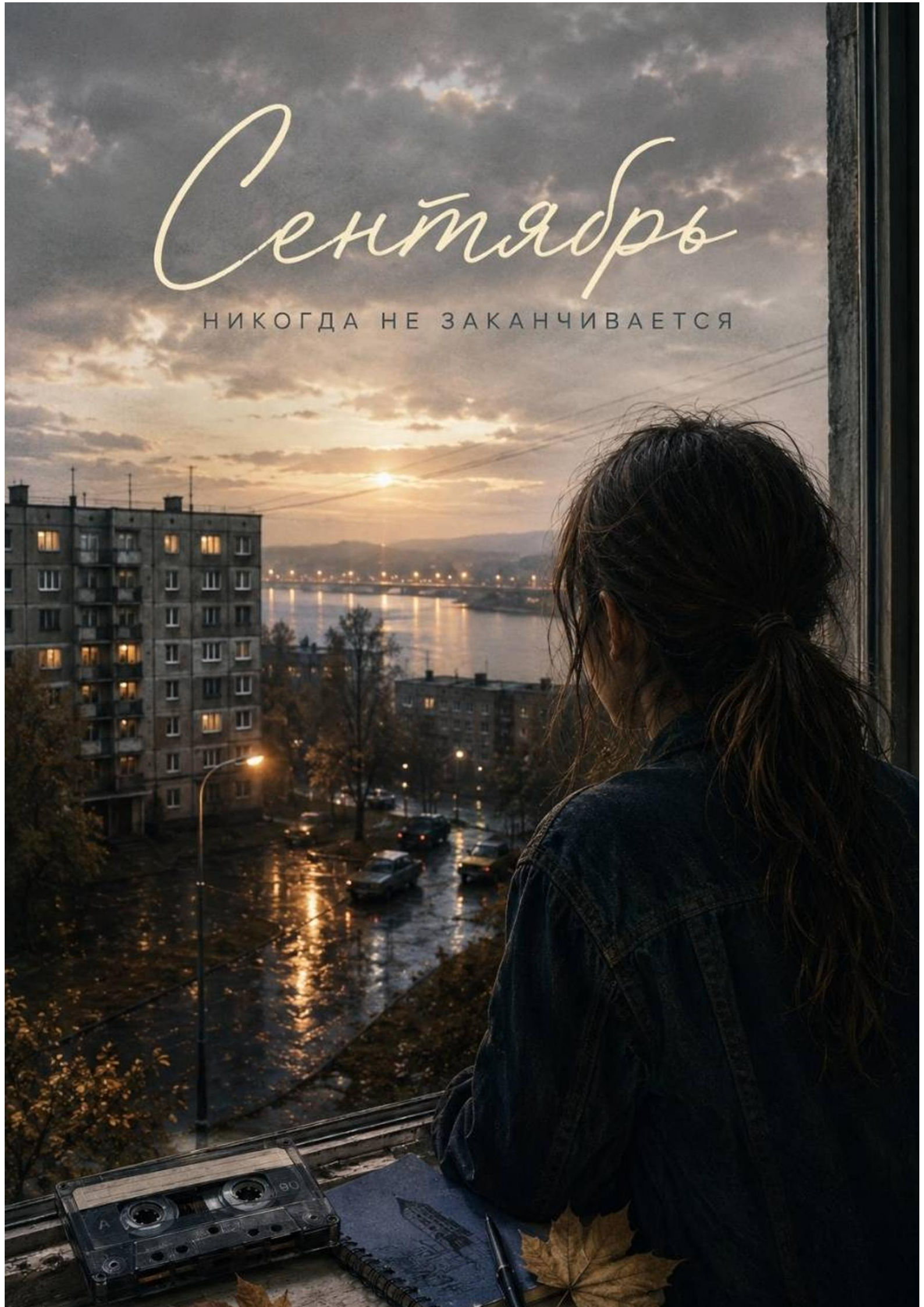

Сентябрь

НИКОГДА НЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ

Лидия Варфоломеева

**Сентябрь никогда
не заканчивается**

«Автор»

2026

Варфоломеева Л.

Сентябрь никогда не заканчивается / Л. Варфоломеева —
«Автор», 2026

Тринадцатилетняя Катя Белова знает, что такое прощаться. Из-за работы отца её семья постоянно переезжает, и каждый новый город означает одно и то же: новая школа, новые лица и одиночество. Но однажды осенью всё меняется. Впервые Катя находит место, которое начинает считать домом. Старый двор, бесконечные разговоры, первые секреты, первая любовь и ощущение, что впереди целая жизнь. Годы проходят, люди взрослеют, теряют друг друга из виду и учатся жить воспоминаниями. Но некоторые обещания забыть невозможно. И однажды прошлое возвращается, заставляя снова открыть дверь в тот самый двор, где всё началось. Это история о дружбе, которая переживает время. О первой любви, которую невозможно вычеркнуть из памяти. О потерях, встречах и выборе между прошлым и будущим. Тёплый, пронзительный роман о поколении девяностых, о взрослении и о людях, которые навсегда становятся частью нашей жизни. Потому что некоторые сентябри никогда не заканчиваются...

© Варфоломеева Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Лидия Варфоломеева

Сентябрь никогда не заканчивается

Глава 1

Хабаровск, сентябрь 1994 года.

Дождь шёл уже третий день подряд.

Он не лил стеной, а висел в воздухе мелкой серой пылью. Город казался нарисованным акварелью: размытые фасады, мокрый асфальт, низкое небо.

Катя Белова сидела на подоконнике новой квартиры и смотрела во двор.

Очередной переезд. Очередная школа. Очередная попытка начать всё заново.

За свои тринадцать лет она успела пожить в Мурманске, Калининграде и маленьком военном городке под Тверью. Работа отца не позволяла задерживаться на одном месте надолго.

Каждый раз всё происходило одинаково.

Сначала коробки. Потом новая квартира. Новая школа. Новые лица. И бесконечное чувство, что ты лишняя.

— Катя, помоги разобрать книги! — крикнула мама из комнаты.

— Сейчас.

Но она не двинулась с места. Во дворе было что-то странное.

Старый двор напоминал колодец. Облупленные стены поднимались вверх на пять этажей. На бельевых верёвках висели простыни. У подъезда сидели две старушки.

И среди всего этого, на крыше гаража, расположенного в углу двора, сидела девочка.

Она была примерно Катиного возраста. Худая, в огромной чёрной куртке. Колени подтянуты к груди, словно ворона на карнизе.

Катя нахмурилась. Гараж был достаточно высоким. Если сорваться оттуда...

Но девочка явно не боялась. Она сидела неподвижно и смотрела куда-то вдаль, будто ждала кого-то.

Через несколько минут дверь подъезда хлопнула. Из дома, пошатываясь, вышел мужчина. Он поднял голову и закричал:

— Анька! Слезай оттуда!

Девочка даже не повернулась.

— Слышишь?!

Никакой реакции.

Мужчина выругался и ушёл. А незнакомка на крыше гаража усмехнулась. Катя заметила это даже из окна. Странная усмешка.

На следующий день Катя пошла исследовать двор. Это была её старая привычка, узнать получше новое место жительства. Во дворе пахло сыростью и чем-то жареным, доносившимся из открытых окон.

Она медленно прошла вдоль гаражей. И вдруг услышала голос сверху.

— Ты новенькая.

Катя вздрогнула. Та самая девочка снова сидела на крыше.

Сегодня на ней была красная вязаная шапка. Растрёпанные тёмные волосы выбивались из-под неё в разные стороны.

— Верно, — ответила Катя.

— Очень содержательно.

— А что ещё сказать?

— Например: «Да, я новенькая. Меня зовут Маша».

Катя невольно улыбнулась.

— Меня зовут Катя.

— Вот видишь. Уже лучше.

— А тебя?

— Аня.

Она спрыгнула вниз так легко, словно была кошкой. Катя испуганно ахнула.

— Ты с ума сошла?

— Почему?

— Ты могла разбиться.

— Не могла.

— Откуда ты знаешь?

Аня пожала плечами.

— Просто знаю.

Она подошла ближе. У неё были необычные глаза: серые, почти прозрачные. Такие глаза бывают у людей, которые слишком много видели, даже если им всего тринадцать.

— Ты военная дочка? — спросила Аня.

— Откуда ты знаешь?

— По тебе видно.

— Что именно видно?

— Всё.

Катя нахмурилась.

— Ничего не видно.

Аня начала загибать пальцы.

— Новая куртка, аккуратная коса, слишком вежливая речь и взгляд одиночки.

Последние слова попали точно в цель. Катя почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

На секунду между ними повисла тишина.

Потом Аня вдруг улыбнулась. И сразу стала похожа на обычную девочку.

— Ладно. Не бойся. У нас двор нормальный.

— Я не боюсь.

— Все новенькие боятся.

— А про себя что расскажешь?

Улыбка исчезла.

— А я здесь родилась.

Девочки просидели на качелях почти час. Разговаривали обо всём. Катя рассказывала про города, где жила. А Аня слушала с таким видом, будто ей рассказывают сказку.

— И ты правда видела море?

— Конечно.

— Настоящее?

— А какое ещё?

— Не знаю. Я дальше нашего города нигде и не была.

Катя удивилась. Ей казалось, весь мир открыт, а переезды раздражали её. Но как оказалось, для кого-то возможность уехать куда угодно — настоящая роскошь.

— А ты куда хочешь поехать?

— Везде.

— Это не ответ.

Аня задумалась.

— В Москву.

— Почему?

— Потому что там можно стать кем угодно.

— А здесь нельзя?

— Здесь все знают, кто ты.

Катя не поняла этих слов. Но запомнила их.

Когда начало темнеть, из окна пятого этажа раздался женский крик: громкий и резкий.

— Анка!

Аня вздрогнула. Совсем чуть-чуть, но Катя это заметила.

— Мне пора.

— Это мама?

— Ага.

— Она сердится?

— Она всегда сердится.

Аня встала.

— Увидимся завтра? — спросила Катя.

Аня посмотрела на неё внимательно, словно решала что-то важное, потом кивнула.

— Увидимся.

Она уже собиралась уйти, но вдруг обернулась.

— Катя.

— Что?

— Если хочешь со мной дружить...

Серые глаза встретились с её взглядом.

— Не вздумай меня жалеть.

После этого она развернулась и побежала к подъезду. Катя ещё долго стояла во дворе и смотрела на окна пятого этажа.

Тогда она ещё не знала, что эта странная девочка с прозрачными глазами станет самым близким человеком, которого она когда-либо встретит.

Но пока им было всего тринадцать. А впереди целая жизнь.

Глава 2

На следующий день Катя проснулась раньше будильника.

За окном было пасмурно. Дождь наконец закончился, но город всё равно казался мокрым насквозь. Двор блестел после ночи, а в лужах отражались гаражи, бельевые верёвки и кусок неба между пятиэтажками.

Катя лежала с открытыми глазами и слушала, как на кухне звенит посуда. Мама уже встала. Наверное, готовила завтрак и одновременно пыталась найти в коробках соль, чай, школьный дневник, утюг и ещё десяток вещей, которые всегда терялись после переезда.

— Катюш, вставай, — позвала она из кухни. — Сегодня в школу.

Катя закрыла глаза. Вот оно, самое неприятное в каждом переезде. Первый день.

Она уже знала, как всё будет. Завуч с тугой причёской приведёт её в класс. Учительница улыбнётся слишком широко и скажет: «Ребята, к нам пришла новая ученица». Все головы повернутся. Кто-то начнёт разглядывать её куртку, кто-то портфель, кто-то ботинки. Девочки сразу решат, нравится она им или нет. Мальчики будут шептаться и смеяться. А она будет стоять у доски и не знать, куда деть руки.

Катя ненавидела этот момент, потому что каждый раз ей приходилось заново доказывать: она не скучная, не зазнайка, не странная, не та, с кем можно не считаться. Каждый раз сначала.

— Катя! — мама заглянула в комнату. — Ты встала?

— Да.

— Не похоже.

Катя села на кровати. Комната ещё не стала её. В углу стояли неразобранные коробки. На стуле лежала одежда. На стене не было ни одного плаката, ни одной фотографии, ничего, что говорило бы: здесь живёт Катя.

Ей вдруг захотелось обратно. Не в какой-то конкретный город. Просто обратно — туда, где не надо снова быть новенькой.

На кухне отец пил чай из гранёного стакана и читал газету. Он был уже в форме, с идеально выглаженной рубашкой и строгим лицом человека, который привык вставать по расписанию и не задавать лишних вопросов.

— Готова? — спросил он.

— Почти.

— Не волнуйся. Школа как школа.

Катя кивнула. Взрослые всегда так говорили. «Школа как школа». «Дети как дети». «Привыкнешь».

Но они не понимали, что самое сложное — не привыкнуть к школе. Самое сложное — понять, кто ты в ней будешь.

Школа находилась в десяти минутах ходьбы от дома. Катя шла рядом с мамой, держа портфель двумя руками. Утренний Хабаровск шумел, просыпался, пах мокрыми листьями, бензином и свежим хлебом из магазина на углу. По дороге они прошли мимо остановки, где люди стояли плотной толпой, мимо женщины с авоськой, мимо мальчишек, которые прыгали через лужи и громко смеялись.

Катя им завидовала, они были здесь своими.

У ворот школы толпились дети. В воздухе стоял знакомый школьный гул, от которого у Кати всегда немного сжималось внутри. Мама поправила ей воротник.

— Всё будет хорошо.

— Угу.

— Ты у меня умница.

Катя кивнула и отвернулась, потому что в такие моменты ей почему-то хотелось плакать. Мама ушла только после того, как завуч забрала Катю у входа.

Завуч оказалась невысокой женщиной с короткой стрижкой и голосом, от которого хотелось немедленно выпрямить спину.

— Белова Екатерина?

— Да.

— Седьмой «Б». Пойдём.

Катя пошла за ней по коридору. Стены были выкрашены зелёной краской до середины. На стендах висели пожелтевшие фотографии отличников, расписание кружков, объявления про сбор макулатуры и плакат: «Ученье — свет». Из открытых дверей доносился шум. Где-то кричали. Где-то смеялись. Где-то учительница уже ругалась.

Завуч остановилась у кабинета литературы.

— Веди себя спокойно. Класс у нас хороший, но шумный.

Она открыла дверь. И всё произошло именно так, как Катя представляла.

Учительница у доски, класс за партами, тридцать пар глаз, направленных на неё.

— Нина Алексеевна, к вам новая ученица, — сказала завуч. — Белова Екатерина.

Учительница была пожилая, с мягким лицом и усталыми глазами. Она посмотрела на Катю поверх очков и улыбнулась.

— Проходи, Катя. Ребята, познакомьтесь. Катя недавно переехала в наш город. Надеюсь, вы поможете ей освоиться.

Кто-то фыркнул на задней парте, Катя почувствовала, как у неё горят уши.

— Садись... — Нина Алексеевна окинула класс взглядом. — Вот туда. К Ане.

Катя посмотрела в указанную сторону и увидела её. Аня сидела у окна на предпоследней парте. Вчера она была в красной шапке, а сегодня тёмные волосы были собраны кое-как, несколько прядей падали на лицо. На парте перед ней лежала раскрытая тетрадь, на полях которой были нарисованы глаза, звёзды и странная птица с раскрытыми крыльями.

Аня подняла взгляд. И едва заметно усмехнулась.

Катя не знала, обрадовалась она или испугалась. Она прошла через весь класс и села рядом.

— Ну здравствуй, военная дочка, — прошептала Аня.

— Ты здесь учишься?

— Нет, случайно зашла. На урок литературы. Люблю страдать с утра.

Катя сдержала улыбку.

— Тихо на задней парте, — сказала Нина Алексеевна.

Аня тут же сделала невинное лицо и устала в тетрадь, а Катя достала учебник, пенал, дневник. Всё аккуратно разложила перед собой. Аня посмотрела на это с интересом.

— Ты всегда такая правильная?

— А ты всегда такая вредная?

— Не всегда. Иногда я сплю.

Катя всё-таки улыбнулась и впервые за утро ей стало легче.

На перемене к ним сразу подошли две девочки. Одна — высокая, с хвостом и важным лицом. Другая — маленькая, кругленькая, с заколками-бабочками.

— Ты откуда приехала? — спросила высокая.

— Из Калининграда.

— Она с моря приехала, — сказала Аня, не поднимая головы. — Представляешь, Оль, море существует не только на картинках.

Оля посмотрела на Аню с раздражением.

— Я не с тобой разговариваю.

— А я с тобой. Удивительно, да?

Маленькая девочка хихикнула, но тут же прикрыла рот ладонью.

Оля поджала губы.

— Ладно. Белова, с нами пойдёшь в столовую?

Катя растерялась. В каждом новом классе такие приглашения были проверкой. согласишься — вроде бы тебя приняли. Откажешься — решат, что ты зазнаёшься.

— Я... — начала Катя.

— Она со мной, — сказала Аня.

Оля скривилась.

— Ну как хочешь.

Девочки ушли. Катя повернулась к Ане.

— Почему ты сказала за меня?

— Потому что если бы ты пошла с ними, они бы сначала спросили, кем работают твои родители, потом сколько у тебя шмоток, потом начали бы дружить, а через неделю перестали. Скучно.

— А с тобой не скучно?

— Со мной опасно.

— Очень страшно.

— Ты ещё просто не знаешь.

Аня встала и закинула рюкзак на плечо.

— Пойдём, покажу тебе школу.

— У нас урок.

— Сейчас перемена.

— Она закончится уже через две минуты.

— Значит, пойдём быстро.

Катя хотела возразить, но Аня уже вышла из класса. И Катя, сама не понимая почему, пошла за ней.

Аня показывала школу так, будто это был не учебный корпус, а карта секретного города.

— Здесь кабинет химии. Там лучше не дышать, потому что Валентина Петровна постоянно разводит какие-то свои опыты. Это библиотека. Библиотекарша добрая, но только если отдавать книги вовремя. А это спортзал. Полезное место для тех случаев, когда нужно спрятаться.

Возле окна на втором этаже она остановилась.

— А отсюда видно крышу гаража.

Катя посмотрела вниз. Действительно, между домами виднелся их двор.

— Ты часто там сидишь?

— Когда дома невозможно.

Катя повернулась к ней.

— Почему невозможно?

Аня сразу стала другой.

— Просто шумно.

— Из-за родителей?

— Ты слишком много спрашиваешь.

— Извини.

— Не извиняйся всё время. Это раздражает.

Катя замолчала. Аня смотрела в окно, и в её лице снова появилось то взрослое выражение, которое Катя заметила вчера. Звонок прозвенел резко и громко. Катя вздрогнула.

— Пойдём? — спросила она.

— Иди. Я сейчас.

— А ты?

— Мне надо кое-что взять.

Катя хотела остаться, но Аня уже отвернулась. На урок она вернулась только через десять минут. Учительница ничего не сказала. Только посмотрела устало. Катя поняла: здесь к таким опозданиям привыкли.

После уроков Катя вышла из школы и увидела, что Аня ждёт у ворот. Она стояла, приклонившись к забору, и ковыряла носком ботинка мокрую землю.

— Ты домой? — спросила Катя.

— Нет, в Париж. Просто рейс задержали.

— Очень смешно.

— Я старалась.

Они пошли рядом. Сначала молча. Потом Аня вдруг сказала:

— Хочешь, покажу тебе город?

— Сейчас?

— А когда? В старости?

— Мне домой надо.

— Скажешь, что заблудилась.

— Я не умею врать.

— Научу.

Катя остановилась.

— Мне нельзя.

Аня посмотрела на неё с усмешкой.

— Тебе вообще что-нибудь можно?

Катя не ответила. Она знала, что если задержится, мама будет волноваться. Отец скажет, что нужно предупреждать. Дома спросят, где была, с кем, почему.

Но почему-то рядом с Аней хотелось хотя бы раз нарушить правила.

— На полчаса, — сказала Катя. — Не больше.

Аня победно улыбнулась.

— Вот это другое дело.

Они пошли не к дому, а в другую сторону — мимо магазина, мимо остановки, мимо дворов, где сушилось бельё и мальчишки гоняли мяч по грязи. Аня шла уверенно, будто знала каждый поворот. Катя едва поспевала.

— Ты всегда так быстро ходишь?

— Я не люблю, когда меня догоняют.

— Кто?

Аня не ответила.

Катя наблюдала город. Не тот Хабаровск, который она видела из окна машины, когда они ехали от вокзала. А настоящий: с облезлыми заборами, мокрыми тополями, киосками, где продавали жвачку и семечки, с женщинами в плащах, с мужчинами, курившими у подъездов, с детьми, игравшими во дворах.

Наконец они вышли к месту, где улица заканчивалась. Впереди был Амур.

Катя остановилась. Она видела море. Видела заливы, военные порты, серую воду северных городов. Но здесь было что-то другое. Река казалась огромной дорогой, уходящей куда-то за край света. Ветер ударил в лицо.

— Ну? — спросила Аня. — Как тебе?

Катя не сразу ответила.

— Красиво.

— Просто красиво?

— Очень красиво.

Аня довольно кивнула, будто это была её личная река, и она разрешила Кате на неё посмотреть.

Они сели на мокрую лавочку. Аня подобрала камешек и бросила его вниз, туда, где вода темнела у берега.

— Когда мне совсем плохо, я прихожу сюда, — сказала она.

Катя посмотрела на подругу, но ничего не спросила.

— Мне кажется, если долго смотреть на воду, можно исчезнуть, — продолжила Аня. — Не умереть. А просто стать кем-то другим. Уехать и всё. Никто тебя не найдёт.

— А ты хочешь, чтобы тебя не нашли?

Аня пожала плечами.

— Иногда.

Катя почувствовала, как внутри стало холодно, хотя ветер и так пробирал до костей.

— А я бы хотела, чтобы меня нашли, — тихо сказала она.

Аня повернулась.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, если тебя ищут, значит, ты кому-то нужна.

Некоторое время Аня молчала, потом отвернулась к реке.

— Глупости.

Но голос у неё был уже не такой насмешливый.

Домой Катя вернулась почти на час позже. Мама встретила её в коридоре с тревожным лицом.

— Катя! Где ты была?

— Я... гуляла.

— Одна?

Катя замялась.

— С девочкой из класса.

— С какой девочкой?

— С Аней.

Мама внимательно посмотрела на неё.

— Ты хотя бы предупреждай. Мы же только переехали. Я места себе не находила.

— Извини. Правда извини.

Мама вздохнула и обняла её.

— Просто я волнуюсь.

Катя прижалась к ней и вдруг подумала об Ане. О том, как из окна пятого этажа кричали: «Анка!» О том, как она вздрагивала. О том, как говорила, что иногда хочет исчезнуть. Катя не знала, что с этим делать. Она только понимала: у неё есть дом, где волнуются. А у Ани, кажется, был дом, откуда хотелось сбежать.

Вечером, когда родители уснули, Катя долго лежала без сна. За стеной кто-то кашлял. В подъезде хлопнула дверь. Где-то во дворе мяукнула кошка.. Она встала, подошла к окну и посмотрела на гараж. На крыше никого не было, но в одном из окон пятого этажа горел свет.

Катя стояла босиком на холодном полу и смотрела туда, пока не замёрзла. Ей почему-то казалось, что, если она отвернётся, с Аней случится что-то плохое.

На следующий день она принесла в школу два яблока. Одно для себя, одно для Ани. И когда на большой перемене молча положила яблоко перед ней, Аня посмотрела сначала на фрукт, потом на Катю.

— Это что?

— Яблоко.

— Я вижу.

— У нас дома много.

— И ты решила меня накормить?

Катя вспомнила её слова: «Не вздумай меня жалеть».

— Нет. Просто оно лишнее.

Аня долго смотрела на неё. Потом взяла яблоко и откусила.

— Врёшь ты плохо, Белова.

— Я пока только учусь.

Аня улыбнулась. И Кате показалось, что именно в эту секунду между ними появилось что-то важное.

Глава 3

В пятницу после уроков Аня сказала:

— Пойдём ко мне.

Сказала так просто, будто приглашала Катю не в квартиру, а в магазин за хлебом. Даже не посмотрела на неё. Просто закинула рюкзак на плечо и пошла к выходу из класса.

Катя растерялась. За последние две недели они успели стать почти неразлучными. Сидели за одной партой, ходили вместе домой, ели на переменах Катин бутерброд с сыром, потому что Аня почти никогда ничего не брала с собой. После школы они бродили по дворам, доходили до Амура, спорили о Москве, кино и о том, существует ли настоящая дружба.

Но у Ани дома Катя ещё ни разу не была. Аня об этом никогда не говорила. А если Катя предлагала зайти к ней после школы, Аня всегда находила причину отказать: то голова болит, то надо в магазин, то «дома скука смертная».

И вот теперь — «пойдём ко мне».

— А можно? — спросила Катя.

Аня остановилась у двери и посмотрела на неё так, будто вопрос был глупым.

— Можно. Раз зову.

— А родители?

— Что родители?

— Она не будет против?

Аня усмехнулась.

— Из родителей у меня только мама. И ей, поверь, всё равно.

Катя не знала, что на это ответить.

Ей стало неловко. У неё дома всё было понятно. Если она хотела привести подругу, нужно было спросить разрешения. Мама сразу начинала суетиться, доставать печенье, ставить чайник, поправлять скатерть. Отец вечером спрашивал, из какой семьи девочка, хорошо ли учится и чем увлекается. У Ани, кажется, всё было иначе.

Они вышли из школы. День был холодный, но солнечный. После дождей город будто выдохнул. На мокром асфальте блестели лужи, во дворах пахло прелыми листьями и дымом. Где-то жгли мусор, и серый дым тянулся между домами, смешиваясь с осенним воздухом.

Аня шла быстро, почти не разговаривала. Катя заметила это сразу. Обычно Аня всю дорогу шутила, передразнивала учителей, рассказывала странные истории про соседей или придумывала, кем станут их одноклассники через двадцать лет. Олю, например, она прочила в заведующие магазином, которая будет смотреть на всех так, будто лично решает, кому выдавать колбасу, а кому нет. А тихого Сашу с первой парты — в учёные, который однажды изобретёт машину времени, но никому её не покажет, потому что постесняется.

Сегодня Аня молчала.

— Ты передумала? — спросила Катя.

— Насчёт чего?

— Насчёт того, чтобы я к тебе пошла.

— Нет.

— Ты просто какая-то...

— Какая?

Катя пожала плечами.

— Не такая.

Аня коротко усмехнулась.

— Я всегда такая. Ты просто ещё не всё видела.

Они вошли во двор. Тот самый двор, где всё началось: гаражи, бельевые верёвки, старая скамейка у подъезда, две бабушки, которые, казалось, сидели там с самого основания города. Одна чистила семечки, вторая держала на коленях потрёпанную сумку.

Когда девочки проходили мимо, бабушка с семечками прищурилась.

— Анька, мать-то твоя опять с утра шумела.

Аня даже не замедлила шаг.

— Поздравляю, тётъ Зин. Слух у вас всё ещё работает.

— Я тебе добра желаю, — обиделась старушка. — Совсем девка отбилась.

— Спасибо за наблюдательность.

Катя почувствовала, как краснеет. Ей было неприятно слушать этот разговор, хотя говорили не про неё. Она украдкой посмотрела на Аню. Та держалась прямо, подбородок чуть поднят, лицо равнодушное. Слишком равнодушное.

В подъезде пахло сыростью, кошками и старой краской. На первом этаже кто-то оставил детские санки, хотя до зимы было ещё далеко. На стенах были нацарапаны имена, стрелки, грубые слова. Лампочка между вторым и третьим этажом не горела, и им пришлось идти почти в темноте.

— Осторожно, тут ступенька кривая, — сказала Аня.

Катя послушно переступила.

На пятом этаже Аня остановилась перед дверью с облупившейся коричневой краской. Возле звонка была приклеена бумажка: «Не работает». Аня не позвонила. Просто достала из кармана ключ на грязной верёвочке и открыла дверь.

— Только не стой на пороге, — сказала она. — У нас не музей.

Катя вошла. И сразу почувствовала запах.

Сначала табак. Потом горелое масло. Потом что-то кислое, тяжёлое, застоявшееся. В коридоре было темно и тесно. На крючках висели чужие пальто, старые куртки, платки, авоськи. У стены стояли резиновые сапоги и детский велосипед без одного колеса.

— У нас коммуналка, — сказала Аня, будто оправдываясь и одновременно предупреждая. — Ничего не трогай.

Из кухни доносились голоса. Женский смех, мужское бормотание, звон стакана о стол. Аня заметно напряглась.

— Быстро в комнату.

Они прошли по коридору. Из приоткрытой кухонной двери выглянула женщина в халате. У неё были крупные бигуди на голове и сигарета в руке.

— О, Анютка кавалера привела?

— Это девочка, тётъ Рая.

— Да вас не разберёшь.

Женщина исчезла обратно на кухне. Катя прижала портфель к себе.

Комната Ани оказалась маленькой. Совсем маленькой. Чуть больше Катиной кладовки в прошлой квартире. У стены стоял узкий диван, застеленный выцветшим покрывалом. Напротив — старый шкаф с зеркалом, покрытым тёмными пятнами по краям. Под окном — стол, заваленный тетрадами, обрывками журналов, карандашами, пуговицами, какими-то вырезками и фантиками. На стене висел плакат с актрисой в красивом платье, вырезанный, кажется, из журнала. Рядом — фотография молодой женщины с маленькой девочкой на руках.

Катя подошла ближе.

— Это ты?

Аня быстро взяла фотографию и перевернула лицом к стене.

— Не смотри.

— Извини.

— Я же говорила, не извиняйся постоянно.

Катя замолчала.

Аня скинула рюкзак на диван, сняла куртку и бросила её сверху. Под курткой на ней был растянутый свитер с дыркой возле рукава.

— Садись, — сказала она. — Только не на край. Там пружина.

Катя осторожно села.

Аня распахнула форточку. В комнату сразу ворвался холодный воздух, и стало легче дышать.

— У тебя красиво, — сказала Катя.

Аня обернулась.

— Не ври.

— Я не вру.

— Врёшь. У тебя лицо становится глупое, когда ты врёшь из вежливости.

Катя огляделась ещё раз. Да, комната была бедной, тесной, неудобной. В углу стоял таз с замоченной одеждой. На подоконнике лежали старые газеты. Обои местами отставали от стены. Но на столе были аккуратно разложены карандаши. На шкафу стояла маленькая жестяная коробочка, раскрашенная лаком для ногтей. На стене, прямо над диваном, Аня прикрепила вырезанные из журналов слова: «Москва», «кино», «свобода», «звезда», «начало».

— Мне нравится твоя стена, — сказала Катя.

Аня посмотрела туда и вдруг смутилась.

— Ерунда.

— Нет. Правда нравится.

— Это не стена. Это план побега.

Катя улыбнулась, но Аня не улыбнулась в ответ.

В кухне что-то громко упало. Потом раздался женский голос:

— Анка! Ты пришла?

Аня застыла.

— Пришла! — крикнула она.

— Иди сюда!

Аня закрыла глаза на секунду. Потом открыла.

— Сиди тут.

— Может, я пойду?

— Нет, сиди.

Она вышла из комнаты и прикрыла дверь. Катя осталась одна. Сначала она слышала только голоса. Глухие, неразборчивые. Потом голос женщины стал громче.

— Где деньги?

— Какие деньги?

Это была Аня.

— Не прикидывайся. Я на столе оставляла.

— Я не брала.

— Конечно. У нас же тут дом честных людей.

Мужчина на кухне что-то пробормотал. Женщина резко засмеялась.

— Молчал бы ты.

Катя сидела на диване, не двигаясь. Ей казалось, что даже дышать громко нельзя.

— У тебя опять шkodная морда, — сказала женщина. — Посмотрите на неё. Принцесса.

Всё учится, умная.

— Мам, ко мне гостья пришла.

— Какая ещё гостья?

Дверь резко распахнулась. На пороге стояла Анина мать.

Катя сразу поняла, что на фотографии была она. Только там женщина улыбалась. Молодая, красивая, с мягким лицом. А сейчас перед Катей стояла совсем другая: распухшее лицо, растрёпанные светлые волосы, халат с пятном на груди, красные глаза.

Она посмотрела на Катю с неприятным интересом.

— Это кто?

Катя встала.

— Здравствуйте. Я Катя. Мы вместе учимся.

— Катя, — протянула женщина. — Хорошее имя. Приличное.

Аня стояла рядом и смотрела в пол.

— Из хорошей семьи, да? — спросила мать.

Катя не знала, что ответить.

— Наверное.

Женщина усмехнулась.

— Слышишь, Ань? Наверное. Вот люди даже не знают, хорошие они или нет. А ты у нас точно знаешь, что лучше всех.

— Мам, хватит.

— Что хватит?

Тишина стала тяжёлой. Катя видела, как у Ани сжались пальцы. Как она закусила губу.

Женщина шагнула ближе.

— Ты мне ещё указывать будешь?

— Нет.

— То-то же.

Она резко повернулась к Кате.

— Чай будешь?

— Нет, спасибо.

— Правильно. У нас тут не кафе.

И вышла, хлопнув дверью так, что задрожало стекло в шкафу. Аня несколько секунд стояла неподвижно. Потом сказала:

— Ну вот. Экскурсия окончена.

— Аня...

— Не надо.

— Я ничего не сказала.

— И не говори.

Она подошла к столу, начала переключать тетради с места на место, будто срочно искала что-то важное. Руки у неё дрожали. Катя не знала, что делать. Ей хотелось подойти, обнять, сказать, что всё будет хорошо. Но она уже понимала: Аня этого не любит.

Поэтому Катя просто села обратно на диван. Аня перестала шуметь бумагами.

— Ты чего не уходишь?

— Ты сказала сидеть.

— Я уже передумала.

— А я нет.

Аня обернулась. В её глазах было столько злости, стыда и боли, что Катя почти испугалась.

— Тебе нравится смотреть?

— Нет.

— Тогда зачем сидишь?

Катя медленно подняла на неё глаза.

— Потому что ты моя подруга.

Аня будто не сразу поняла эти слова.

— Мы знакомы две недели.

— И что?

— За две недели не становятся подругами.

— А за сколько становятся?

Аня открыла рот, чтобы ответить, но не нашлась. С кухни снова донёлся пьяный смех.

Аня села на пол возле шкафа и обхватила колени руками.

— Ты теперь всем расскажешь?

— Нет.

— Оле расскажешь. Или своей маме.

— Нет.

— Все рассказывают.

— Я не все.

Аня посмотрела на неё.

— Все так говорят.

Катя встала, подошла к столу и взяла один из карандашей.

— Дай бумагу.

— Зачем?

— Дай.

Аня нахмурилась, но протянула ей лист из тетради. Катя села на пол рядом и написала большими буквами:

«Я, Катя Белова, обещаю никому не рассказывать то, что видела у Ани дома».

Подумала и добавила:

«Кроме случая, если Ане будет очень плохо и ей понадобится помощь».

Аня прочитала. Фыркнула.

— Ты как будто договор составляешь.

— У меня папа военный. У нас всё серьёзно.

— Подпись где?

Катя поставила подпись.

Аня забрала лист, долго смотрела на него, потом сложила вчетверо и спрятала в жестяную коробку на шкафу.

— Ладно, — сказала она тихо. — Допустим

— Что допустим?

— Допустим, ты не все.

Это была самая большая благодарность, на которую Аня была способна. Катя поняла это сразу.

Они просидели в комнате ещё почти час. Аня показывала ей свои вырезки из журналов. Рассказывала, как однажды уедет в Москву, поступит в театральный и купит себе красное пальто. Не куртку, не пуховик, а именно пальто — длинное, красивое.

Катя слушала и представляла Аню в этом пальто. Взрослую. Красивую. Свободную.

— А ты? — спросила Аня.

— Что я?

— Кем будешь?

Катя пожала плечами.

— Не знаю. Я люблю писать.

— Что писать?

— Истории.

Аня посмотрела на неё с интересом.

— Прямо книги?

— Пока нет. Просто рассказы.

— Про что?

Катя смутилась.

— Про людей.

— Скучно.

— Ты даже не читала.

— А ты дай мне прочитать.

— Когда-нибудь.

— Значит, договорились. Я стану актрисой, а ты напишешь обо мне книгу.

Катя рассмеялась.

— Почему сразу о тебе?

— А о ком ещё? У меня интересное лицо и тяжёлая судьба.

Она сказала это шутливо, но Катя вдруг почувствовала, как смех застрял в горле.

За стеной снова что-то грохнуло. Аня даже не вздрогнула. Только отвернулась к окну.

— Пора тебе, — сказала она. — А то твоя нормальная мама начнёт волноваться.

Катя хотела сказать, что мама у неё не «нормальная», а просто мама. Но промолчала.

В коридоре Аня проводила её до двери.

— Завтра придёшь? — спросила Катя.

— Куда?

— Ко мне. Мама пирог обещала испечь.

Аня усмехнулась.

— Пирог? Как в кино?

— Просто пирог.

Аня долго молчала.

— Ладно. Может, приду.

— Это значит да?

— Это значит может быть.

Катя вышла на лестничную площадку. Дверь за ней закрылась не сразу. Аня стояла в проёме, тонкая, бледная, в своём растянутом свитере, и смотрела, как Катя уходит.

— Ань, — тихо сказала Катя.

— Что?

— Я правда никому не расскажу.

Аня кивнула.

— Я знаю.

И закрыла дверь.

Катя спустилась вниз медленно. На каждом пролёте ей хотелось вернуться. Постучать. Забрать Аню с собой. Посадить за кухонный стол, налить чай, дать ей кусок маминого пирога, укрыть пледом и сказать: теперь всё будет хорошо.

На улице уже темнело. Во дворе зажглись окна. Старушки у подъезда исчезли, гаражи стояли чёрными прямоугольниками, а крыша, на которой Аня сидела в первый день, блестела после дождя.

Катя подняла голову к пятому этажу. В окне Ани горел свет. Маленький жёлтый квадрат в большом сером доме. Катя смотрела на него и вдруг поняла: теперь этот свет будет важен для неё.

Если он горит — значит, Аня дома.

Глава 4

В субботу Катя проснулась с чувством тревожного ожидания. Так бывало перед контрольными, перед первым днём в новой школе или перед отъездом в очередной город, когда чемоданы уже стояли у двери, а она ещё лежала в кровати и делала вид, что если не открыть глаза, то ничего не изменится.

Сегодня должна была прийти Аня.

Вернее, не должна. Аня не обещала. Она сказала: «Может, приду». А Катя уже успела понять, что у Ани это могло значить что угодно.

Катя ждала. С самого утра она ловила каждый звук в подъезде.

Мама с утра затеяла пирог. На кухне пахло тестом, яблоками и корицей. Запах был такой домашний, тёплый, что Кате вдруг стало неловко. После вчерашней комнаты Ани, после тёмного коридора, после женщины в халате и смеха с кухни этот запах казался почти неприличным. Слишком хорошим.

Мама раскатывала тесто на столе.

— Катюш, твоя подруга во сколько придёт?

— Не знаю.

— Ты же её пригласила?

— Да.

— Она сказала, что придёт?

Катя замялась.

— Она сказала «может быть».

Мама улыбнулась.

— Понятно. Значит, будем ждать.

Катя села на табуретку и стала крутить в руках яблочную кожуру, тонкой лентой свисавшую с края стола.

— Мам.

— Что?

— Только ты... не расспрашивай её сильно.

Мама подняла глаза.

— Почему?

— Просто не надо.

— Хорошо.

— И папе скажи.

— Что сказать папе?

— Чтобы он тоже не расспрашивал.

Мама внимательно посмотрела на Катю. Не строго, внимательно.

— Катя, с Аней что-то не так?

Катя сразу напряглась.

Перед глазами всплыл листок из тетради: «Я, Катя Белова, обещаю никому не рассказывать...»

— Нет.

Мама не стала спорить.

— Хорошо. Не будем расспрашивать.

Катя выдохнула.

— Спасибо.

Мама снова занялась тестом.

— Но если ей у нас понравится, пусть приходит. Мне не жалко пирога.

Аня пришла ближе к трём. Катя уже почти перестала надеяться. Пирог стоял на столе, накрытый чистым полотенцем. Отец ушёл в магазин за молоком и газетой. Мама читала на кухне старый журнал, а Катя сидела в комнате и пыталась делать домашнее задание по алгебре.

Звонок прозвенел коротко.

Катя вскочила так резко, что уронила ручку.

— Я открою!

Она вылетела в коридор, чуть не поскользнулась на коврик и распахнула дверь.

На площадке стояла Аня. В своей огромной чёрной куртке, в красной шапке и с таким лицом, будто пришла сюда совершенно случайно и вообще собиралась идти мимо. В руках она держала пакет.

— Привет, — сказала Катя слишком радостно.

Аня прищурилась.

— Ты чего такая довольная?

— Ничего.

— Я не на праздник пришла.

— Я знаю.

— Просто мимо проходила.

— Конечно.

Аня протянула пакет.

— Это тебе.

— Что это?

— Не знаю. Мама дала.

Катя заглянула внутрь. Там лежала пачка печенья. Дешёвого, немного помятого, с крошками на дне пакета.

— Спасибо.

— Только не думай, что это я. Я бы ничего не несла. Это мать сказала, что с пустыми руками к людям не ходят.

Аня произнесла это с насмешкой, но Катя заметила, как крепко она держала ручки пакета до того, как отдала его. Будто боялась, что её подарок не примут.

— Очень хорошее печенье, — сказала Катя.

— Ты даже не пробовала.

— Попробую.

— Врёшь ты всё ещё плохо.

Но Аня уже улыбалась. Катя отошла в сторону.

— Проходи.

Аня вошла и остановилась в коридоре. А Катя вдруг увидела свою квартиру её глазами.

Светлые обои. Крючок для ключей у двери. Зеркало. Аккуратно расставленная обувь. Мамина сумка на полке. Отец всегда ругался, если кто-то бросал вещи где попало, поэтому у них даже переезд не мог полностью победить порядок.

Аня медленно сняла шапку. Её волосы примялись и торчали в разные стороны.

— У вас тихо, — сказала она.

— Сейчас да.

— Нет. Вообще тихо.

Катя не знала, что ответить. Из кухни вышла мама.

— Здравствуй, Аня. Я Катина мама. Меня зовут Елена Викторовна.

Катя замерла, боясь, что мама скажет что-то неправильное. Но мама просто улыбнулась.

Аня заметно выпрямилась.

— Здравствуйте.

— Раздевайся. Мы как раз чай собирались пить.

— Я ненадолго.

— Тогда тем более успеем.

Аня посмотрела на Катю, будто спрашивала: «Она всегда такая?» Катя едва заметно пожала плечами.

Мама вернулась на кухню.

Аня сняла куртку. Под ней был тот же растянутый свитер с дыркой у рукава.

— Пойдём, — сказала Катя. — Я покажу комнату.

Катина комната всё ещё была наполовину в коробках, но уже стала похожа на жилую. На столе стояла лампа. На полке — книги. Возле кровати мама положила маленький коврик. На стене Катя успела повесить календарик с морем, который привезла из Калининграда.

Аня прошла внутрь осторожно, будто боялась наступить не туда.

— Ничего себе.

— Что?

— Да так.

Она подошла к полке и провела пальцем по корешкам книг.

— Это все твои?

— Не все. Часть папиных. Часть маминых.

— А ты их читала?

— Некоторые.

— С ума сойти.

— Почему?

— У нас книги только под ножку стола подкладывают. Чтобы не шатался.

Катя улыбнулась. Аня взяла с полки тонкую тетрадь.

— Это что?

Катя бросилась к ней.

— Не смотри!

Поздно. Аня уже открыла первую страницу.

— Ого. «История про девочку, которая жила у моря».

— Отдай.

— Ты правда пишешь.

— Я же говорила.

— Я думала, ты врешь, чтобы казаться интересной.

— Ну спасибо.

Аня села на кровать и начала читать. Катя стояла рядом, чувствуя, как у неё горит лицо.

— Не надо. Там плохо.

— Тихо.

— Ань.

— Я читаю.

Катя села на стул и стала смотреть в окно, стараясь не думать о том, что кто-то впервые читает её рассказ. В школе она всегда писала сочинения хорошо. Учителя хвалили. Мама говорила, что у неё богатое воображение. Но это было другое. Рассказ был не для оценок. Там была она сама. Её страхи, её одиночество, её мечты.

Аня читала долго. Потом закрыла тетрадь.

— Ну? — не выдержала Катя.

Аня посмотрела на неё серьёзно.

— Нормально.

Катя почувствовала разочарование.

— Просто нормально?

— Очень нормально.

— Это как?

— Это значит, что я дочитала до конца и не умерла от скуки.

Катя фыркнула.

— Какая высокая похвала.

Аня положила тетрадь на стол.

— Там девочка — это ты?

— Нет.

— Врёшь.

— Немного я.

— Она всё время ждёт, что кто-то за ней вернётся.

Катя замолчала. Аня сказала это без насмешки.

— Наверное, — тихо ответила Катя.

— А почему она сама никуда не идёт?

— Куда?

— Куда хочет.

— Ей тринадцать.

— И что?

Катя посмотрела на неё.

— Не все умеют уходить.

Аня отвела взгляд.

— Уходить легко.

В комнате стало тихо.

— Девочки, идите пить чай! — позвала мама.

Аня тут же встала, будто её поймали на чём-то запретном.

— Я вообще-то ненадолго.

— Мы только чай попьём, — сказала Катя.

За столом Аня сначала сидела напряжённо. Слишком прямо, слишком тихо. Она положила руки на колени и почти не двигалась, будто боялась случайно что-то задеть или сделать неправильно.

Мама налила чай в чашки.

— С сахаром?

— Не надо.

— А пирог?

— Не надо.

Катя посмотрела на неё.

— Ты же любишь яблоки.

— Я не голодная.

И в этот момент у Ани громко заурчало в животе. Настолько громко, что все услышали.

Катя замерла. Мама, к счастью, сделала вид, что ничего не произошло. Просто отрезала кусок пирога и положила на тарелку перед Аней.

— Тогда маленький. Чтобы меня не обидеть.

Аня посмотрела на пирог, на золотистую корочку, на яблоки, на сахарную пудру сверху.

Потом взяла вилку.

— Спасибо.

Ела она медленно. Сначала маленькими кусочками, настороженно, будто проверяла, не отнимут ли. Потом быстрее. Когда тарелка опустела, мама спросила:

— Ещё?

Аня тут же покачала головой.

— Нет.

— А если честно?

Аня подняла глаза. Мама улыбалась.

— Если честно... можно маленький.

Мама положила ей второй кусок. Катя смотрела в свою чашку, чтобы не смущать Аню. Но внутри у неё что-то сжималось. От желания сделать так, чтобы Аня ела пирог каждый день и никогда больше не сидела голодной на уроках, делая вид, что ей просто не хочется.

Дверь открылась. В квартиру вошёл отец.

— Я дома.

Аня вздрогнула так резко, что вилка звякнула о тарелку. Катя заметила. И мама тоже заметила.

Отец появился на кухне с пакетом молока и газетой под мышкой.

— О, гости.

Катя быстро сказала:

— Пап, это Аня. Мы вместе учимся.

Отец кивнул.

— Очень приятно. Алексей Павлович.

Аня встала.

— Здравствуйте.

— Сиди, сиди. Чай пей.

Но она не села, пока он сам не прошёл к раковине мыть руки.

Катя вдруг подумала, что Аня, наверное, привыкла вставать не из вежливости. А чтобы быть готовой убежать.

Отец сел за стол, взял кусок пирога и спросил:

— Ну что, девчонки, как школа?

Катя бросила на него предупреждающий взгляд. Он заметил. И вместо обычных вопросов про оценки, учителей и дисциплину сказал:

— У нас в вашем возрасте во дворе хоккейная команда была. Правда, шайбы не было. И клюшек тоже. Но команда была.

Мама рассмеялась.

— Лёша, не позорься перед детьми.

— Почему позорюсь? Мы серьёзно играли. Камнем.

— Камнем?

Аня впервые посмотрела на него с интересом.

— Ну да, — сказал отец. — Хороший был камень. Удобный.

— И вы им в хоккей играли?

— До первого разбитого окна.

Аня вдруг засмеялась. Катя посмотрела на неё и тоже улыбнулась. Смех у Ани был совсем другой, не такой, как её обычная усмешка. Он делал её младше. Мягче. На секунду она стала просто девочкой, которая сидит на кухне, ест пирог и слушает забавные истории взрослых.

После чая они вернулись в комнату. Аня села на пол, прислонилась к кровати и долго молчала. Катя перебирала тетради на столе, не зная, что сказать.

— У вас странно, — наконец произнесла Аня.

— Почему?

— Не знаю. Никто не кричит.

Катя почувствовала, как внутри всё сжалось.

— У нас тоже иногда ругаются.

— Не так.

— Ты не знаешь.

— Знаю.

Аня подняла с пола Катину мягкую игрушку — старого медведя с оторванным бантом.

— У тебя даже медведь приличный.

— Ему десять лет.

— Всё равно приличный.

Она покрутила его в руках.

— Тебе повезло.

Катя села на кровать.

— В чём?

Аня посмотрела на неё так, будто Катя сказала глупость.

— Во всём.

— Не во всём.

— Во всём, Белова.

В голосе Ани впервые за день появилась злость.

— У тебя мама пироги печёт. Папа приносит молоко. У тебя своя комната. Книги. Чистые чашки. Тебя спрашивают, где ты была. За тебя волнуются. У тебя даже ругаются, наверное, правильно.

Катя молчала. Она хотела сказать, что ей тоже бывает тяжело. Что она устала переезжать. Что в каждой новой школе её сначала рассматривают, как чужую. Что иногда она чувствует себя вещью, которую перевозят из города в город. Что у неё нет друзей, кроме Ани. Что ей тоже одиноко. Но рядом с Аниной болью её собственная вдруг показалась маленькой. И от этого стало стыдно.

— Прости, — сказала Катя.

Аня резко повернулась.

— За что?

— Не знаю.

— Вот именно. Не знаешь.

Она встала.

— Мне пора.

— Ты обиделась?

— Нет.

— Аня.

— Что?

— Я же не виновата, что у меня такая семья.

Аня замерла. На секунду Катя испугалась, что сказала что-то ужасное. Но Аня вдруг выдохнула и села обратно.

— Знаю.

Она закрыла лицо руками.

— Знаю, что не виновата.

Катя осторожно спустилась с кровати на пол и села рядом. Не обняла. Не тронула. Просто села плечом к плечу. Некоторое время они молчали.

Потом Аня сказала тихо:

— Я иногда ненавижу таких, как ты.

Катя почувствовала, как у неё перехватило дыхание.

— Таких?

— Нормальных.

— Я не нормальная.

— Нормальная.

— Нет.

— Для меня — да.

Катя смотрела на свои руки.

— И ты меня ненавидишь?

Аня долго не отвечала. Потом тихо сказала:

— Тебя нет.

Катя подняла глаза.

— Правда?

— Я пытаюсь.

Катя улыбнулась.

— Хорошо.

Аня фыркнула.

— Дура ты, Белова.

— Знаю.

— И рассказ твой слишком грустный.

— Правда?

— Правда. Но пиши дальше.

— Зачем?

Аня посмотрела на неё серьёзно.

— Чтобы однажды написать про меня.

Катя засмеялась.

— А если я напишу, ты не обидишься?

— Смотря как напишешь.

— Напишу красиво.

— Не надо красиво. Пиши правду.

Катя запомнила эти слова. Тогда они показались ей обычной Аниной фразой. Немного театральной, немного дерзкой, как всё, что она говорила.

Когда Аня собралась уходить, мама завернула ей с собой два куска пирога.

— Это не надо, — сразу сказала Аня.

— Надо, — спокойно ответила мама. — Катя завтра всё равно попросит ещё испечь, а мне легче, если этот кто-то съест сегодня.

Аня посмотрела на свёрток.

— Спасибо.

— Приходи ещё.

Аня нахмурилась и кивнула.

Девочки вышли в коридор. Аня долго завязывала шнурки, потом надела куртку, шапку, взяла пакет с пирогом и открыла дверь.

— Я провожу, — сказала Катя.

— Не надо.

— До подъезда.

— Я сама дойду.

— Я знаю.

Аня посмотрела на неё и сдалась. Они спустились во двор.

Вечер был тихий и холодный. Небо темнело, в окнах зажигался свет.

Аня остановилась у своего подъезда.

— Твоя мама хорошая, — сказала она неожиданно.

— Да.

— И папа нормальный.

— Он строгий иногда.

— Это не страшно.

Катя не стала спорить.

Аня подняла глаза на своё окно. На пятом этаже было темно. Она сразу изменилась. Будто весь тёплый день, весь пирог, весь смех на кухне исчезли, стоило ей увидеть этот тёмный квадрат.

— Тебе страшно? — тихо спросила Катя.

Аня усмехнулась.

— Я же сказала. Я здесь родилась.

— Это не ответ.

Аня посмотрела на неё. В этот раз без насмешки.

— Страшно.

Катя почувствовала, что этот момент нельзя спугнуть.

— Можешь прийти обратно, — сказала она. — Если что.

Аня кивнула.

Катя стояла во дворе, пока на пятом этаже не зажёгся свет. Только тогда она вернулась домой.

Глава 5

В понедельник в школе пахло столовской кашей.

На улице снова зарядил дождь. Он стучал по подоконникам, стекал по окнам длинными кривыми дорожками и превращал школьный двор в серую кашу из грязи, жёлтых листьев и следов от ботинок. Дети вбегали в школу шумными мокрыми стайками, стряхивали с курток воду, толкались у гардероба, кричали, смеялись, жаловались на холод.

Катя стояла у окна в коридоре второго этажа и ждала Аню. С тех пор как Аня побывала у них дома, что-то изменилось.

Аня по-прежнему язвила, опаздывала на уроки, рисовала на полях тетрадей глаза и птиц, спорила с учителями и делала вид, что ей всё равно на весь мир. Но теперь иногда, когда никто не видел, она брала у Кати яблоко или половину бутерброда. Иногда задерживалась у их двери после школы и спрашивала, как бы между делом:

— А твоя мама сегодня дома?

И если Катя отвечала «да», Аня могла фыркнуть, сказать: «Ну ладно, зайду на пять минут», — а потом сидела у них на кухне, пила чай, слушала истории Катиного отца и украдкой смотрела на Елену Викторовну так, будто та была каким-то чудом, которое нельзя трогать руками.

Чем ближе становилась Аня, тем сильнее Катя чувствовала: с ней нужно быть осторожной. Не потому что Аня была плохой. А потому что в ней было много боли, и любая неосторожность могла её ранить.

Прозвенел звонок. В кабинеты быстро побжали ученики. Катя вытянула шею, высматривая знакомую чёрную куртку и красную шапку. Ани не было.

— Белова!

Катя обернулась.

К ней шла Оля — та самая высокая девочка из класса, с хвостом и с таким выражением лица, будто она заранее знает, кто прав, кто виноват и кому с кем надо дружить. За ней, как обычно, плелась маленькая Светка с заколками-бабочками.

— Ты Аньку ждёшь? — спросила Оля.

Катя сразу почувствовала напряжение.

— Да.

— Зря.

— Почему?

Оля пожала плечами.

— Может, не придёт.

— Придёт.

— Ну, если её мамаша опять не устроила концерт.

Светка хихикнула.

Катя посмотрела на неё, потом снова на Олю.

— Что?

Оля сделала невинные глаза.

— А ты не знаешь?

— Чего?

— Да весь двор знает. У неё мамашка пьёт. Вчера опять орала на весь подъезд. Тётя Зина нашей соседке рассказывала. Там милицию даже вызывали.

Светка снова хихикнула, уже тише.

Катя почувствовала, как у неё внутри что-то оборвалось. Но не от новости. А от того, что Анину боль пересказывают в коридоре, как смешную сплетню.

— Не говори так, — сказала Катя.

Оля подняла брови.

— Как?

— «Мамаша».

— А что, неправда?

— Это не твоё дело.

— Ого. Белова защищает Анку.

— Её зовут Аня.

— Какая разница?

Катя сжала ремешок портфеля.

— Большая.

Оля усмехнулась и оглянулась на Светку, будто приглашала её оценить происходящее.

— Слушай, ты только приехала, поэтому не понимаешь. С ней лучше не связываться.

Она ненормальная.

— Это ты ненормальная, — резко сказала Катя.

Она сама не ожидала, что скажет это вслух.

Оля замерла. Светка перестала улыбаться. Несколько ребят рядом повернулись к ним.

— Что ты сказала? — медленно спросила Оля.

Катя почувствовала, как у неё горят щёки. Сердце стучало так громко, что казалось, его слышно на весь коридор. Она никогда не была драчуньей. Никогда не умела красиво отвечать. В прошлых школах чаще молчала, если кто-то говорил гадости. Пережидала, думала: скоро мы всё равно уедем.

— Я сказала, что ты ненормальная, если обсуждаешь чужую маму в коридоре, — повторила Катя.

Оля покраснела от злости.

— Ты вообще кто такая, чтобы мне указывать?

— Человек, которому противно тебя слушать.

Вокруг уже собралась небольшая толпа.

Кто-то тихо сказал: «Ого». Светка потянула Олю за рукав.

— Пойдём.

Но Оля выдернула руку.

— Да она просто не знает, с кем дружит. Анька такая же, как её мать. Посмотрим, через сколько ты сама от неё сбежишь.

Катя шагнула ближе.

— Ещё раз скажешь про неё — пожалеешь.

Это прозвучало глупо и слишком громко. Но в этот момент Катя действительно была готова сделать что угодно: толкнуть Олю, ударить её портфелем, закричать на весь этаж — лишь бы она замолчала.

Оля открыла рот, чтобы ответить. И вдруг за Катиной спиной раздался знакомый голос:

— Как интересно. Я пришла как раз к самому содержательному месту.

Катя обернулась. У стены стояла Аня. Без шапки. С мокрыми волосами, прилипшими к вискам. В огромной чёрной куртке. Лицо спокойное. Слишком спокойное. Она смотрела не на Олю, а на Катю.

— Ань, — тихо сказала Катя.

— Что «Ань»? — Аня медленно подошла ближе. — Продолжайте. Я люблю, когда обо мне говорят при мне. Экономит время.

Оля растерялась, но быстро взяла себя в руки.

— Мы ничего такого не говорили.

— Правда? А я услышала слово «мамаша». Очень трогательно. Семейная тема.

Светка опустила глаза. Катя хотела что-то сказать, но Аня не дала.

— Белова, отойди.

— Я просто...

— Я сказала, отойди.

Голос у неё был тихий и холодный. Катя сделала шаг назад. Аня повернулась к Оле.

— Значит так. Если тебе так интересно, что происходит у меня дома, приходи вечером.

У нас иногда правда весело. Посидишь на кухне, послушаешь. Может тебе понравится.

Оля молчала.

— А лучше прикрой свой рот, пока я его тебе не прикрыла — добавила Аня.

В коридоре стало совсем тихо. Ребята начали расходиться. Оля схватила Светку за руку и ушла в класс, не оборачиваясь.

Катя осталась рядом с Аней.

— Ты в порядке? — спросила она.

Аня посмотрела на неё. И Катя сразу поняла: нет.

— Зачем ты это сделала? — спросила Аня.

— Что?

— Влезла.

— Они говорили гадости.

— И что?

— Как это «и что»?

— Я сама могу за себя постоять.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

Катя растерялась.

— Потому что ты моя подруга.

Аня резко усмехнулась.

— И что теперь? Будешь ходить за мной и всех воспитывать? «Не обижайте бедную Аню, у неё мама пьёт»?

— Я так не говорила.

— Но подумала.

— Нет!

— Не ври.

Аня подошла ближе. Глаза у неё блестели — то ли от злости, то ли от дождя.

— Тебе понравилось?

— Что?

— Быть хорошей. Смелой. Правильной. Защитить несчастную девочку из плохой семьи.

Приятно?

Катя отшатнулась, будто Аня ударила её.

— Как ты можешь так говорить?

— Очень легко.

— Я хотела помочь.

— А я тебя не просила.

Катя почувствовала, как к горлу подступают слёзы.

— Я не хотела тебя обидеть.

Аня развернулась и пошла в класс. Катя осталась в коридоре одна.

Первый раз с тех пор, как они познакомились, она не села рядом с Аней за парту. Не потому что не хотела. Потому что Аня положила рюкзак на соседний стул и даже не посмотрела в её сторону. Катя села впереди, рядом с тихим Сашей.

Весь урок литературы она смотрела в раскрытый учебник и не понимала ни слова.

Нина Алексеевна что-то рассказывала про Тургенева, про характер героя, про внутренний конфликт. Катя слышала только отдельные слова.

Внутренний конфликт.

Гордость.

Непонимание.

Боль.

Она украдкой повернулась. Аня сидела у окна и рисовала на полях тетради. Но сегодня это были не глаза и не птицы. Это были чёрные квадраты. Один за другим.

После уроков Аня исчезла.

Катя выбежала из школы почти сразу после звонка, но у ворот её уже не было. В гардеробе тоже. У остановки — тоже. Во дворе — пусто.

Катя стояла возле гаражей и смотрела на крышу. Потом она подняла голову к пятому этажу. Окно было тёмным.

Катя несколько минут стояла под дождём, не решаясь подняться. В кармане у неё лежало яблоко, которое она принесла для Ани. Глупое яблоко.

Она вспомнила обещание на тетрадном листе.

«Никому не рассказывать то, что видела у Ани дома. Кроме случая, если Ане будет очень плохо и ей понадобится помощь».

Ане было плохо?

Катя не знала.

Ей хотелось позвонить в дверь. Сказать: «Прости». Но она боялась увидеть Анину мать. Боялась, что Аня не откроет. Боялась, что откроет и скажет что-то ещё более болезненное. В конце концов она пошла домой.

Дома мама сразу заметила её лицо.

— Что случилось?

— Ничего.

Мама сняла с плиты чайник и внимательно посмотрела на Катю.

— Ты плакала?

— Нет.

— Катя.

И тут Катя не выдержала. Она села на табуретку и заплакала. Слёзы потекли сами собой, и она уже не могла их остановить.

Мама подошла, обняла её за плечи.

— Из-за Ани?

Катя кивнула.

— Вы поссорились?

Снова кивок.

— Расскажешь?

Катя открыла рот. И закрыла. Она не могла рассказать всё.

— В школе про неё говорили плохое, — сказала она наконец. — Я заступилась. А она разозлилась.

Мама молчала.

— Я же хотела как лучше.

— Знаю.

— Но она сказала, что я хотела почувствовать себя хорошей.

Мама вздохнула и села рядом.

— Иногда людям больно не только от того, что их обижают. Иногда им больно, когда их защищают.

— Почему?

— Потому что защита напоминает: с ними действительно случилось что-то плохое.

Катя вытерла лицо рукавом.

— Но что мне надо было делать? Молчать?

— Не знаю, Катюш.

— Ты взрослая. Ты должна знать.

Мама грустно улыбнулась.

— Взрослые часто делают вид, что знают. На самом деле это не так.

Катя посмотрела на неё.

— Я её потеряла?

— Если дружба настоящая, одна ссора её не разрушит.

— А если разрушит?

Мама поправила выбившуюся прядь у Катиного лица.

— Тогда ты всё равно будешь знать, что попыталась быть рядом.

Катя отвернулась к окну. Этого было мало. Ей не нужно было знать, что она попыталась.

Ей нужна была Аня.

Вечером Катя не выдержала.

Взяла яблоко, которое весь день пролежало в кармане, завернула его в салфетку и вышла из квартиры.

— Ты куда? — спросил отец из комнаты.

— Во двор.

— Темно уже.

— Я недолго.

Мама выглянула из кухни. Ничего не сказала. Только кивнула.

Катя спустилась вниз. Дождь почти закончился. Во дворе пахло мокрой землёй и дымом. В окнах горел свет. Где-то работал телевизор, слышалась музыка. Обычный вечер. Обычная жизнь большого дома, в котором у каждого окна была своя тайна.

Катя подошла к гаражам. Аня сидела на крыше. Чёрная куртка сливалась с темнотой. Только лицо белело в сумерках.

— Уходи, — сказала она, не глядя вниз.

Катя остановилась.

— Нет.

— Я не хочу разговаривать.

— А я хочу.

— Это твои проблемы.

Аня наконец посмотрела на неё.

— Ты всегда такая упрямая?

— Нет. Ты плохо на меня влияешь.

Аня отвернулась, но Катя успела заметить, как дрогнул уголок её губ.

— Я принесла тебе яблоко, — сказала Катя.

— Серьёзно? Мы поссорились, а ты принесла яблоко?

— Оно весь день было в кармане. Теперь оно немного помялось, но ещё нормальное.

— Очень трогательно.

— Я могу подняться?

— Нет.

Катя посмотрела на гараж.

— Тогда я сама решу.

Она поставила ногу на выступающий кирпич.

— Белова, ты куда?

- К тебе.
- Слезь. Убьёшься.
- Ты же не убиваешься.
- Я умею.
- Ну тогда и меня научишь!
- Катя!

В её голосе впервые за день прозвучал страх. Катя замерла. Аня спрыгнула вниз сама — ловко и быстро.

- Ты совсем дура?
- Возможно.
- Нельзя лезть туда, если не умеешь!
- Тогда не сиди там, когда я должна извиняться.

Аня уставилась на неё.

- Что?

Катя протянула яблоко.

- Прости.

Аня не взяла.

- За что?

— За то, что влезла так, будто ты сама не справишься. За то, что не подумала, как тебе будет. За то, что мне было важно защитить тебя, но я не спросила, нужна ли тебе такая защита.

Аня молчала.

Катя сглотнула и продолжила.

— Но я не могла их слушать. Не могла, понимаешь? Они говорили так, будто ты... будто твоя жизнь — это их развлечение.

Аня смотрела в сторону.

- Я привыкла.
- А я нет.
- И ты привыкнешь.
- А я не хочу к такому привыкать!

Аня резко повернулась к ней.

— А придётся. Если будешь со мной дружить, придётся. Люди всегда говорят. Про мать, про коммуналку, про куртку, про то, что я шляюсь где попало. Они всё равно будут говорить. Ты не сможешь всем закрыть рот.

- Значит, не всем.
- А кому?
- Тем, кто говорит при мне.

Аня долго смотрела на неё. Потом взяла яблоко.

- Ты невыносимая.
- Знаю.
- И правильная.
- Наверное.
- И вечно со своими яблоками.
- У нас дома их много.
- Конечно. У вас дома всего много.

Катя опустила глаза. Аня заметила и впервые за день её лицо смягчилось.

- Я не должна была так говорить, — сказала она тихо.
- Что именно?
- Про то, что тебе понравилось быть хорошей.

Катя молчала.

— Я знаю, что ты не поэтому. Просто...

Аня замялась. Это было на неё не похоже. Обычно она находила слова быстрее, чем Катя успевала подумать. А сейчас стояла перед ней в мокром дворе, крутила в руках помятое яблоко и будто не могла выбрать, какую часть себя показать.

— Просто когда кто-то за меня вступается, мне кажется, что все видят, какая я на самом деле.

— Какая?

Аня усмехнулась.

— Жалкая.

— Ты не жалкая.

— Для тебя.

— Ни для кого.

Аня посмотрела на яблоко.

— Я не хочу, чтобы ты меня спасала.

— Хорошо.

— Правда?

— Правда.

Катя задумалась. Ветер шевельнул мокрые ветки тополя. Где-то в подъезде хлопнула дверь. На пятом этаже кто-то включил свет.

— Но я бы хотела быть рядом, — сказала Катя. — Если можно.

Аня долго молчала. Потом откусила яблоко.

— Можно.

Катя почувствовала, как внутри стало тепло.

— Только, Белова.

— Что?

— Если ещё раз полезешь на гараж, я сама тебя оттуда толкну.

— Это странный способ проявлять заботу.

— Как умею.

Они обе улыбнулись.

На следующий день они снова сели вместе.

Аня пришла в класс за минуту до звонка, бросила рюкзак на парту и как ни в чём не бывало сказала:

— Подвинься, Белова.

Катя подвинулась. Оля посмотрела на них через весь класс, но ничего не сказала. Светка тоже молчала. И, может быть, это была их первая маленькая победа.

Катя достала учебник. Аня открыла тетрадь и снова начала рисовать на полях.

— Что это? — шёпотом спросила Катя.

— Птица.

— Вчера были квадраты.

— Вчера был плохой день.

— А сегодня?

Аня пожала плечами.

— Сегодня нормальный.

Катя улыбнулась. Аня, не отрываясь от рисунка, вдруг тихо сказала:

— Белова.

— Что?

— В следующий раз, если кто-то будет говорить про меня гадости...

Катя напряглась.

— Да?

— Не начинай без меня.

Катя посмотрела на неё. Аня продолжала рисовать, но уголки губ у неё едва заметно дрожали.

— Хорошо, — сказала Катя. — Буду ждать тебя.

— Вот и договорились.

На полях Аниной тетради птица расправляла крылья. И впервые она была не чёрной.

Глава 6

В тот четверг Нина Алексеевна принесла в класс стопку тетрадных листов и сказала:

— Сегодня будет не диктант.

Класс оживился. На задней парте кто-то радостно прошептал:

— Ура.

— И не сочинение по произведению, — продолжила она.

Оживление стало ещё сильнее. Аня, сидевшая рядом с Катей, наклонилась к ней и шепнула:

— Подозрительно. Сейчас попросит написать завещание.

Катя прыснула, но тут же прикрыла рот ладонью.

Нина Алексеевна посмотрела на них поверх очков.

— Белова, Морозова, я надеюсь, вам тоже будет интересно.

— Очень, — серьёзно сказала Аня. Так серьёзно, что Катя едва не рассмеялась снова.

Учительница прошла между партами, раздавая листы.

— Тема простая. «Кем я хочу стать». Но я прошу вас не писать для оценки. Не надо правильных фраз про пользу обществу, если вы так не думаете. Попробуйте честно. Через десять лет, через двадцать — где вы? Кто рядом с вами? Чего вы хотите на самом деле?

Класс притих. Такие вопросы всегда звучали странно в школе. Там, где обычно спрашивали правила, даты, формулы и определения, вдруг спросили про жизнь.

Катя смотрела на чистый лист.

Кем я хочу стать.

Она знала ответ и не знала одновременно. Писательницей — это было слишком громко. Так, наверное, говорили взрослые люди, у которых уже вышли книги. А она была просто девочкой, которая записывала истории в тетрадь и прятала их в ящик стола.

Она повернула голову к Ане. Та уже писала. Быстро, не задумываясь. Почерк у неё был неровный, резкий, будто буквы спешили выбраться наружу раньше, чем она передумает.

Катя заглянула краем глаза. Аня прикрыла лист ладонью.

— Не подглядывай, Белова. Это секретные документы.

— Я случайно.

— Все шпионы так говорят.

Катя улыбнулась и снова посмотрела на свой лист. Через десять лет ей будет двадцать три. Очень взрослая.

Она попыталась представить себя в двадцать три года. В какой-то квартире, за столом, с чашкой чая. На столе — рукопись. За окном — город, в котором она наконец останется надолго.

Она написала:

«Я хочу стать человеком, который умеет рассказывать истории так, чтобы другим людям становилось не так одиноко».

Потом остановилась. Ей показалось, что это слишком наивно звучит. Она хотела зачеркнуть, но не стала.

Рядом Аня вдруг отодвинула лист, откинулась на спинку стула и удовлетворённо выдохнула.

— Всё? — шепнула Катя.

— Всё.

— Так быстро?

— Я давно знаю кем я хочу быть.

— Что написала?

— Потом покажу.

— Почему потом?

— Потому что сначала это должно сбыться.

Катя посмотрела на неё с любопытством.

— А если не сбудется?

Аня повернулась к ней.

— Обязательно сбудется. Я всё для этого сделаю

После уроков Нина Алексеевна задержала их у двери.

— Девочки, подождите минуту.

Катя сразу занервничала. Учителя обычно задерживали не просто так. Либо за разговоры, либо за опоздания, либо за что-нибудь ещё, о чём ты уже забыл, а они нет. Аня, кажется, подумала о том же.

— Мы ничего не делали, — сказала она заранее.

Нина Алексеевна устало улыбнулась.

— Вот именно это меня и настораживает.

Катя опустила глаза, чтобы не рассмеяться. Учительница достала из папки два листа.

— Я прочитала ваши работы.

— Уже? — удивилась Катя.

Аня напряглась.

— И что?

Нина Алексеевна протянула им маленькую афишу, напечатанную на тонкой сероватой бумаге.

— В Доме культуры недалеко от школы открывается театральная студия для подростков. Сегодня у них пробное занятие. Я думаю, вам стоит сходить.

Аня взяла листок, будто это была не бумажка, а билет в другую жизнь.

Катя заглянула через плечо.

«Театральная студия Маска. Приглашаются школьники 12–16 лет. Первое занятие — четверг, 17:00».

— Сегодня, — сказала Катя.

Аня резко сложила афишу и спрятала в карман.

— Спасибо.

Она сказала это быстро, почти грубо, но Катя уже знала: чем важнее для Ани было что-то, тем резче она становилась.

Когда они вышли из школы, Аня молчала.

— Пойдём? — спросила Катя.

— Куда?

— В студию.

— Нет.

— Почему?

— Потому что нет.

— Ты же хочешь.

— Мало ли чего я хочу.

— Ань.

— Белова, ты иногда такая наивная, кому мы там нужны в этой студии.

Катя остановилась посреди тротуара.

— Ты боишься.

Аня резко повернулась.

— Я?

— Да.

— Я ничего не боюсь.

— Боишься, что тебя не возьмут.

Аня смотрела на неё так, будто решала, обидеться или ударить портфелем.

— Не умничай.

— Это правда?

— Нет.

— Тогда пойдём.

— А если у меня нет сменки? — выпалила Аня.

Катя моргнула.

— Что?

— Там, наверное, все со сменкой придут. В чистых колготках. С родителями. С бантиками. С этими... как их... чешками.

— В театральную студию?

— Да откуда я знаю, что они там носят?

Катя вдруг поняла. Дело было не в страхе сцены. И не в том, что Аня сомневалась в себе. Дело было в том, что она заранее представляла: там будут другие. Из хороших семей. С мамами, которые проводят до двери. С папами, которые потом их заберут. С красивыми бантами, чистыми туфлями. Аня боялась не провала. Она боялась снова оказаться не на своём месте.

Катя медленно достала из портфеля яблоко и протянула ей.

Аня нахмурилась.

— Ты издеваешься?

— Нет. Просто когда ты злишься, тебе надо что-нибудь жевать.

— Ты слишком много обо мне знаешь.

— Уже да.

Аня взяла яблоко.

— Я пойду только посмотреть.

— Конечно.

— Просто посмотреть.

— Я с тобой.

— И если там нужны будут чешки, мы уходим.

— Сразу.

Аня откусила яблоко и пошла вперёд.

— Ненавижу тебя, Белова.

— Знаю.

— Пойдём быстрее, а то опоздаем.

Дом культуры стоял неподалёку.

Бежевое здание с колоннами, потрескавшимися ступенями и афишами у входа. На стенде висели объявления о кружке балльных танцев, шахматной секции, хоре ветеранов и концерте ко Дню учителя. Возле дверей курил дворник в ватнике. Он посмотрел на девочек без интереса и отвернулся.

Внутри пахло старым деревом, пылью и краской. Катя сразу почувствовала: это место не похоже на школу.

Они нашли нужный зал по голосам.

В небольшой аудитории уже сидели человек десять подростков. Несколько девочек в юбках, два мальчика, один высокий парень с длинными волосами, ещё одна девочка в очках, которая держала блокнот и очень старалась выглядеть взрослой.

Аня остановилась у двери.

— Я же говорила.

— Что?

— Нормальные.

— Они просто сидят.

— Именно. Нормальные люди всегда просто сидят. А я сейчас войду и что-нибудь наверняка уроню.

В этот момент к ним подошёл мужчина лет пятидесяти. Высокий, сухой, с седыми волосами и внимательными глазами. На нём был старый тёмный свитер и шарф, хотя в зале было тепло.

— Новенькие?

Катя кивнула.

Аня молчала.

— Я Виктор Аркадьевич. Руководитель студии. Проходите.

— Мы просто посмотреть, — быстро сказала Аня.

Он улыбнулся.

— Все сначала просто смотрят. Потом почему-то оказываются на сцене.

Аня напряглась. Они сели на последний ряд.

Занятие началось странно. Сначала все ходили по залу и изображали, что они дождь. Потом — что ветер. Потом — что человек, который опаздывает на поезд. Катя чувствовала себя ужасно глупо и старалась не встречаться глазами с Аней, потому что боялась рассмеяться.

Аня, наоборот, постепенно менялась. Сначала стояла у стены, скрестив руки. Потом нехотя сделала шаг. Потом ещё. А когда Виктор Аркадьевич сказал: «А теперь представьте, что вы впервые увидели море», Аня вдруг замерла посреди зала.

И Катя увидела, как у Ани меняется лицо. Словно она и правда стояла перед чем-то огромным, живым, невозможным. Глаза расширились, губы дрогнули, плечи опустились. В ней не было ни насмешки, ни защиты, ни дерзости.

Виктор Аркадьевич тоже смотрел на неё.

— Хорошо, — сказал он мягко. — Очень хорошо.

Аня будто очнулась и сразу спряталась обратно в себя.

— Случайно получилось.

— На сцене многое случайно получается, если человек не врёт.

После разминки Виктор Аркадьевич раздал листы с небольшим монологом.

— Сейчас попробуем прочитать.

Аня лист не взяла.

— Я не буду.

— Не будешь?

— Нет.

— Хорошо, как скажешь.

Он не стал уговаривать.

Сначала читала девочка в очках. Потом высокий парень. Потом одна из девочек в юбке. Все старались. Кто-то слишком громко, кто-то слишком жалобно, кто-то так, будто отвечал у доски.

Аня смотрела в пол. Но Катя видела, как она слушает.

Наконец Виктор Аркадьевич спросил:

— Может быть, кто-то ещё?

Тишина.

Аня вдруг протянула руку.

— Давайте я попробую.

Катя даже дышать перестала.

Аня взяла лист, вышла вперёд и встала посреди маленькой сцены. Зал был совсем небольшой. Сцена — низкая, деревянная, с потёртым краем. За спиной висел пыльный синий занавес. Свет падал сверху жёлтым кругом.

— Можно я не это прочитаю? — спросила Аня.

Виктор Аркадьевич прищурился.

— А что?

Аня посмотрела на Катю.

— То, что знаю.

Катя сначала не поняла. А потом у неё похолодели руки. Нет. Нет-нет-нет.

Аня начала говорить. Это были слова из Катиного рассказа. Того самого — про девочку, которая жила у моря и всё время ждала, что кто-то за ней вернётся.

Аня не читала. Она помнила.

Катя сидела в последнем ряду и не могла пошевелиться.

— «Она думала, что если смотреть на дорогу достаточно долго, то однажды на ней появится человек, который скажет: я пришёл за тобой. Собирайся. Больше тебе не нужно быть одной...»

Слова были Катиниными. Но голос — Анин. И от этого они стали другими. Аня говорила не про девочку у моря. Она говорила про себя. Про свой пятый этаж, про тёмную комнату, про окно, в котором иногда горел свет, про то, что никто не приходит за детьми, которые слишком рано научились делать вид, что им никто не нужен.

В зале никто не шевелился. Даже девочка в очках перестала записывать. Когда Аня закончила, наступила тишина.

Потом Виктор Аркадьевич медленно сказал:

— Как тебя зовут?

— Аня.

— Аня, приходи в следующий четверг.

— Я не записывалась.

— Я знаю.

— У меня денег нет.

— Наши занятия бесплатные, здесь не нужно платить.

Аня смотрела на него недоверчиво.

— Зачем вам это?

Он улыбнулся.

— Потому что люди, которые так говорят со сцены, должны на неё возвращаться.

Аня опустила глаза. И Катя впервые увидела, что Аня не знает, как принимать не только пирог, но и похвалу.

На улицу они вышли уже в сумерках. Небо над Хабаровском стало глубоким, синим. Фонари зажгались один за другим, со стороны Амура тянуло холодом.

Аня шла молча. Катя тоже.

Ей хотелось сказать сразу много всего: что это было невероятно, что она испугалась, когда услышала свой текст, что Аня не имела права читать его без разрешения, что Виктор Аркадьевич прав, что Аня должна вернуться.

Наконец Аня сказала:

— Ты злишься?

— Да.

— Из-за рассказа?

— из-за рассказа.

— Я знала.

— Тогда зачем читала?

Аня остановилась. Они стояли на спуске к набережной. Внизу шумел Амур — тёмный, широкий, невидимый почти, но ощутимый всем телом.

— Потому что он был про меня, — сказала Аня.

Аня отвернулась.

— Прости.

Катя смотрела на неё.

Аня Морозова почти никогда не извинялась. Она могла отшутиться, уйти, хлопнуть дверью, сделать вид, что ничего не было. Но сказать «прости» — это было для неё как выйти на сцену без защиты.

— Я злюсь, — сказала Катя. — Но не очень.

— Это как?

— Так, что ты должна спросить в следующий раз.

— Спрошу.

— Правда?

— Правда.

Они пошли к набережной. Ветер трепал волосы, забирался под воротники, щипал лицо. Где-то далеко светились огни. По дороге проехала машина, фары на секунду выхватили из темноты мокрые перила, скамейку, два дерева с почти голыми ветками.

Девочки остановились у ограждения.

— Ты была невероятная, — тихо сказала Катя.

Аня усмехнулась.

— Началось.

— Ты талантливая.

— Белова.

— И особенная.

— Я сейчас уйду.

— Ты не уйдёшь.

— Почему?

— Потому что тебе на самом деле приятно это слышать.

Аня посмотрела на неё сердито. Но не ушла.

Некоторое время они молчали. Потом Аня сказала:

— Когда я была там, на сцене... мне показалось, что я не я.

— А кто?

— Не знаю. Кто-то, кого слушают.

Катя повернулась к ней.

— Тебя и так слушают.

— Не так. В жизни меня слушают, когда я мешаю, грублю или когда про меня сплетничают. А там... там слушали, потому что я говорила.

В этот момент с набережной донёсся чей-то крик:

— Девчонки! Смотрите!

Они обернулись. Чуть дальше, у спуска к воде, мальчишки запускали самодельные бумажные кораблики. Кто-то, видимо, принёс свечки — маленькие огоньки дрожали внутри бумажных коробочек. Кораблики спускали в тёмную воду, и они медленно отплывали от берега, качаясь на волнах.

Они сбежали вниз по мокрым ступенькам.

Мальчишки оказались старше — лет пятнадцати-шестнадцати. Один из них, в вязаной шапке и куртке с оторванным карманом, держал в руках пачку старых газет.

— Хотите? — спросил он.

Аня сразу стала настороженной.

— Кораблики. Мы желание запускаем. Типа если не потухнет до середины — сбудется.

— Глупость, — сказала Аня.

— Конечно глупость, — ответил парень. — Но бесплатно.

Катя улыбнулась.

— Давай.

Парень дал им лист бумаги и показал, как складывать. У Кати получилось криво. У Ани — ещё хуже.

— У тебя корабль утонет сразу, — сказала Катя.

— Зато красиво.

— Он похож на мятую шапку.

Мальчишки засмеялись. Аня покраснела, но не разозлилась.

Когда кораблик был готов, парень поставил внутрь маленький огарок свечи и зажёл его спичкой. Огонёк дрогнул, почти погас, но удержался.

— Желание загадывайте, — сказал он.

Катя посмотрела на Аню.

— Вместе?

— Вместе, — сказала Аня.

Они взяли кораблик с двух сторон. Бумага была тонкая, влажная от воздуха, свеча грела пальцы.

— На счёт три, — сказала Катя.

— Раз.

— Два.

— Три.

Они опустили кораблик в воду.

Течение подхватило его не сразу. Сначала он крутился у берега, будто не решался уходить. Потом волна медленно потянула его дальше. Огонёк качался, отражался в чёрной воде маленькой золотой точкой.

— Что загадала? — спросила Катя.

— Нельзя говорить.

— Тогда не сбудется?

— Тогда ты узнаешь, а это хуже.

Катя улыбнулась.

— Я загадала, чтобы мы всегда дружили.

Аня резко повернулась.

— Ты же сама сказала, нельзя говорить.

— Я не верю в такие правила.

— А во что веришь?

Катя посмотрела на огонёк, который становился всё дальше.

— В обещания.

Аня молчала. Ветер трепал её волосы. В темноте она казалась старше и одновременно совсем маленькой. Тринадцатилетней девочкой в огромной куртке, которая хотела в Москву, на сцену, в другую жизнь — но пока стояла у холодной реки и смотрела, как уплывает бумажный кораблик.

— Тогда давай обещание, — сказала Аня.

— Какое?

Аня подумала.

— Если одна из нас потеряется...

— Потеряется где?

— В жизни, Белова. Не перебивай.

— Хорошо.

— Если одна из нас потеряется, вторая её найдёт.

— Даже если будет далеко?

— Даже если в Москве. Даже если на другой планете. Даже если станет ужасной знаменитостью и будет носить красное пальто.

Катя улыбнулась.

— Или если станет писательницей и спрячется в квартире с чаем и рукописями.

— Да. Тогда тоже.

Они стояли рядом, плечом к плечу. Кораблик почти исчез в темноте, но огонёк всё ещё был виден.

— Обещаю, — сказала Катя.

Аня не сразу ответила. Потом тихо произнесла:

— И я обещаю.

Домой они возвращались поздно. Катя понимала, что её будут ругать, и впервые почти не боялась. Ей всё ещё виделась сцена: Аня в жёлтом круге света, её голос, тишина зала, слова Виктора Аркадьевича. А потом — река, кораблик, обещание.

У подъезда Аня остановилась.

— Белова.

— Что?

— Только никому про студию.

— Почему?

— Пока не надо.

— Хорошо.

Аня поднялась на первую ступеньку, но обернулась.

— Твой рассказ правда хороший.

Катя почувствовала, как у неё стало тепло в груди.

— Спасибо.

— Но про меня всё равно напишешь лучше.

— Когда-нибудь.

— Не когда-нибудь, а обязательно.

Аня улыбнулась и побежала вверх по лестнице.

Катя стояла внизу, пока на пятом этаже не щёлкнула дверь. Потом во дворе зажётся знакомый жёлтый квадрат окна.

Глава 7

Максима они впервые увидели в школьном актовом зале.

Точнее, сначала услышали.

Это было после уроков, в конце октября, когда Хабаровск уже окончательно перестал притворяться осенним и начал медленно превращаться в зимний. По утрам лужи покрывались тонкой корочкой льда, а школьники всё чаще приходили в класс с красными носами и холодными руками, которые потом грели о батареи.

Аня в тот день была особенно раздражительной.

На литературе она получила замечание за то, что вместо анализа стихотворения нарисовала на полях тетради женщину в длинном красном пальто. На алгебре не решила ни одного примера, а на последней перемене толкнула мальчишку из параллельного класса за то, что тот назвал Катю «учительской любимицей».

— Он просто сказал глупость, — пыталась объяснить Катя, когда они шли по коридору после уроков.

— Вот именно.

— За глупость необязательно толкаться.

— Обязательно. Иначе глупость начинает размножаться.

— Ты невозможная.

— Спасибо.

Катя вздохнула. Они собирались идти домой, но возле актового зала Аня вдруг остановилась.

Из-за приоткрытой двери доносилась музыка. Не школьный хор, не пианино, на котором обычно играла завуч на линейках. Гитара.

Звук был негромкий, чуть хриплый, будто струны устали. Кто-то перебирал аккорды медленно и неуверенно, потом сбивался, начинал заново, снова находил ритм.

Аня замерла.

— Что там? — спросила Катя.

— Не знаю.

— Пойдём посмотрим?

— Подожди.

Она подошла ближе к двери и заглянула внутрь.

В актовом зале было почти темно. Только у сцены горела одна лампа, освещающая край занавеса, несколько рядов старых деревянных стульев и мальчика, сидевшего прямо на краю сцены.

Он был старше них. Лет шестнадцати, может, семнадцати. В чёрном свитере, потёртых джинсах и с гитарой на коленях. Светлые волосы падали ему на лоб, и он время от времени откидывал их движением головы. Рядом лежал раскрытый потрёпанный блокнот. Он играл и тихо пел.

Голос у него был не красивый в привычном смысле. Не такой, как у артистов по телевизору. Он был неровный, немного хриплый, живой.

Катя не сразу разобрала слова. Что-то про город, в котором все окна чужие, про поезд, про девочку, которая стоит на перроне.

Аня слушала, не двигаясь. На её лице не было привычной насмешки. Она внимательно смотрела, также, как в тот день в театральной студии, когда она впервые встала на сцену.

Мальчик вдруг остановился.

— Долго будете там стоять?

Катя вздрогнула. Аня моментально вернула себе обычное выражение лица.

— А ты долго будешь играть печальные песенки?

Мальчик поднял голову. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом он улыбнулся.

Катя почувствовала, что краснеет, хотя разговаривали не с ней.

— Мы случайно, — сказала она. — Извините.

Мальчик перевёл взгляд на неё.

Глаза у него были карие, смешливые и немного усталые.

— Извинение принято. Но раз уж случайно пришли, можете заходить.

— Мы вообще-то уходили, — сказала Аня.

— Ага. Поэтому стойте у двери и подслушиваете.

— Мы не подслушивали.

Аня прищурилась. Катя уже знала этот взгляд. Обычно после него кто-нибудь начинал жалеть, что вообще открыл рот. Но мальчик почему-то не испугался. Наоборот, ему как будто стало интереснее.

— Я Максим, — сказал он. — Можно Макс.

— Поздравляю, — ответила Аня.

— А вас как зовут?

— А наши имена тебе знать не обязательно.

— Её зовут Аня, — сказала Катя, пока Аня не успела придумать какую-нибудь грубость.

— А я Катя.

Аня медленно повернула к ней голову.

— Предательница.

— Очень приятно, — сказал Макс. — Аня и Катя.

Катя вдруг подумала, что с Аней так мало кто умел разговаривать. Обычно люди либо злились, либо терялись, либо начинали читать нотации. А Макс будто принял её колючесть как часть игры.

— Сама лучше сыграешь? — спросил он.

— Возможно.

— Ты умеешь?

— Нет.

— Тогда у тебя большие шансы. Все великие музыканты начинали с уверенности.

Аня сделала шаг в зал.

— Дай гитару.

Катя удивлённо посмотрела на неё.

— Ань...

— Что?

— Ты же не умеешь.

— Он сам сказал: это не помеха.

Макс протянул ей гитару. Аня взяла инструмент неуклюже, но с таким видом, будто ей каждый день доверяли чужие гитары. Села рядом с ним на край сцены, положила пальцы на струны и дёрнула.

Звук вышел ужасный. Грубый, дребезжащий, совсем не похожий на музыку.

Катя не выдержала и рассмеялась. Аня смерила её взглядом.

— Ты сейчас потеряешь лучшую подругу.

— Прости.

Макс забрал гитару обратно.

— Смотри. Вот так ставишь пальцы. Нет, не туда. Ты сейчас убиваешь аккорд.

— Он сам виноват.

— Конечно. Аккорды вообще народ слабый.

Он показал ей, как зажать струны. Аня повторила. Сначала неправильно. Потом снова. Потом ещё раз. Наконец из гитары вышел короткий, но почти чистый звук.

Аня замерла. Макс улыбнулся.

— Видишь? У тебя уже получается

Аня посмотрела на свои пальцы.

— И всё?

— Для начала — всё.

— Скучно.

Она фыркнула, но гитару сразу не отдала. Катя стояла в проходе между рядами и смотрела на них. На Аню, которая впервые за долгое время выглядела не так, будто защищается от всего мира. На Макса, который сидел рядом спокойно и уверенно. На жёлтый круг света вокруг них.

Макс учился в десятом классе.

Это они узнали через несколько минут, когда всё-таки вошли в зал и сели на первый ряд. Он был сыном школьной медсестры и местного музыканта, который когда-то играл в ресторанах, потом уехал на заработки и больше не возвращался. Макс говорил об этом легко, будто рассказывал о погоде, но Катя заметила, как Аня слушала особенно внимательно. Люди, от которых кто-то ушёл, узнавали друг друга без лишних слов.

— А почему ты здесь после уроков? — спросила Катя.

— Репетирую.

— К чему готовишься?

— К концерту.

— Какому?

— В Доме культуры будет вечер для старшеклассников. Нечто грандиозное: стихи, песни, танцы, директор произнесёт речь о нравственности.

— Звучит как событие века, — сказала Аня.

— Я рассчитываю прославиться.

— С этой песней?

— Звучало так, будто тебе она не очень понравилась.

Макс приложил руку к груди.

— Меня предупреждали, что правда ранит. Но не говорили, что она будет в красной шапке.

Аня неожиданно смутилась. Катя заметила это сразу. С Аней такое случалось редко. Обычно она смущала других. А тут сама отвела взгляд, стала поправлять рукав свитера и сделала вид, что рассматривает трещину на полу.

С того дня они стали задерживаться в актовом зале почти каждый день. Не специально. Во всяком случае, Катя себе так говорила. Просто после уроков оказывалось, что домой идти рано, в театральную студию ещё не время, на улице холодно, а в актовом зале тепло и Макс репетирует.

Иногда он играл им новые песни. Иногда учил Аню аккордам. Иногда просил Катю прочитать вслух её рассказы, и она отказывалась до тех пор, пока однажды всё-таки не сдалась.

Макс слушал внимательно. Не перебивал, не шутил.

Когда Катя закончила читать короткий рассказ про девочку, которая собирала открытки из разных стран, он долго молчал. Катя уже решила, что ему не понравилось.

— Ну? — не выдержала Аня. — Говори, пока она не умерла от страха.

Макс посмотрел на Катю.

— В твоём рассказе люди настоящие.

Катя почувствовала, как у неё пересохло в горле.

— Правда?

— Да. Даже когда ничего особенного не происходит, им почему-то веришь.

Это была не похвала от учительницы. Не мамино «ты молодец». Это прозвучало совсем иначе. Катя смотрела на свои руки и не знала, куда деть радость.

Аня толкнула её плечом.

— Я же говорила.

— Ты говорила, что я пишу слишком грустно.

— Одно другому не мешает.

Макс рассмеялся. И Катя вдруг поняла, что ей нравится этот смех. Ей нравилось, как он смотрит, когда слушает. Нравилось, как он откидывает волосы со лба. Нравилось даже то, что от него пахло табаком и дешёвым одеколоном, хотя она всегда считала запах табака неприятным.

Она не сразу поняла, что это. А когда поняла, стало страшно. Потому что почти в тот же день она увидела, как Аня смотрит на Макса.

Это случилось в пятницу.

Актёрский зал был пуст, занавес наполовину открыт, на сцене стояли два стула и старый микрофон без провода. Макс показывал Ане новую песню. Вернее, пытался показать, а она делала вид, что ей всё равно, но пальцы у неё дрожали от усердия.

— Не так, — говорил Макс. — Вот здесь мягче.

— Гитара кривая.

— Гитара прекрасная. Это ты на неё давишь, как будто хочешь признание выбить.

— Может и хочу.

Он сел ближе, взял её руку и переставил пальцы на струнах. Обычное движение, но Аня вдруг перестала дышать.

Катя это заметила. Как заметила и то, что Макс тоже заметил. На секунду они оба замолчали. Потом Аня резко выдернула руку.

— Я поняла.

— Хорошо, — сказал Макс.

Катя отвела взгляд. Внутри у неё что-то неприятно сжалось. Она не имела права ревновать. Кого? К кому? Макс им ничего не обещал. Аня тоже. Да и Катя сама никому ничего не говорила.

Но теперь оказалось, что внутри Ани происходит что-то похожее.

— Белова, — сказала Аня слишком громко. — Ты чего молчишь?

— Ничего.

— Опять истории в голове пишешь?

— Может быть.

— Напиши, как великая актриса Аня Морозова мучается с гитарой, потому что бездарный музыкант не умеет объяснять.

— Бездарный музыкант всё слышит, — сказал Макс.

— Вот и хорошо. Пусть старается лучше.

В субботу Макс пригласил их на концерт в Дом культуры.

— Приходите, — сказал он, когда они втроём стояли у школьного выхода. — Будете моей группой поддержки.

— У тебя есть группа? — спросила Аня.

— Теперь есть. Две суровые девочки из седьмого класса.

— Мы можем закидать тебя яблоками, если плохо споёшь, — сказала Катя.

Макс посмотрел на неё с улыбкой.

— От тебя это звучит особенно угрожающе.

Катя смутилась.

— Мы придём, — быстро сказала она. — Если будет не скучно.

— Будет ужасно. Но я постараюсь украсить вечер.

Концерт был вечером. Катя долго выбирала, что надеть, хотя делала вид, что ей всё равно.

Мама заметила это сразу.

— У вас праздник?

— Просто концерт.

— Школьный?

— В Доме культуры.

— С Аней?

— Да.

Мама ничего не сказала, но улыбнулась так, что Катя покраснела.

— Мам.

— Что?

— Не смотри так.

— Как?

— Как будто всё понимаешь.

— Я ничего не понимаю. Просто предлагаю надеть синий свитер. Он тебе идёт.

Аня ждала её во дворе. В красной шапке, чёрной куртке и с губами, слегка подкрашенными чем-то розовым. Катя сразу заметила.

— Ты нарядилась?

— Нет.

— Ань, врать сегодня у тебя не получается.

— Чуть-чуть. Тётя Рая дала. Сказала, что в театре надо быть красивой.

— Мы не в театр идем, а в Дом культуры.

— Разница не большая.

Они пошли по вечернему городу. Мороз щипал щёки. Под ногами хрустела первая тонкая корка льда. В окнах магазинов горел жёлтый свет, люди спешили домой с пакетами, где-то играло радио.

В Доме культуры было шумно. В гардеробе толпились школьники, кто-то смеялся, кто-то бегал по лестнице, кто-то прятал под курткой запрещённые бутылки. В зале пахло духами, пылью и мандаринами. На сцене стоял микрофон, справа — пианино, слева — несколько стульев. Катя и Аня сели в третий ряд.

Когда Макс вышел на сцену, зал сначала почти не отреагировал. Кто-то продолжал разговаривать, кто-то шуршал пакетами. Он стоял один с гитарой, в том же чёрном свитере, только волосы были аккуратнее, чем обычно.

— Сейчас будет песня, — сказал он в микрофон.

И начал играть. Сначала тихо. Потом увереннее. И вдруг шум в зале стал стихать.

Песня была не та, которую они слышали в первый раз. Эта была другая. Про реку, про город на краю страны. Про девочку в красной шапке, которая всё время говорит, что ей не страшно. И про девочку с тетрадью, в которой живут удивительные истории.

Катя перестала дышать. Аня тоже. Они обе поняли, что песня была про них.

Катя почувствовала, как у неё внутри поднимается что-то горячее. Их жизнь, обычная и никому не нужная, вдруг стала песней, которую слушает целый зал.

Она повернулась к Ане. Та сидела неподвижно. И на лице у неё было такое выражение, которого Катя раньше не видела.

Когда песня закончилась, зал захлопал. Макс чуть поклонился, поднял глаза и нашёл их в зале. Сначала посмотрел на Аню, потом на Катю и улыбнулся обоим.

Катя улыбнулась в ответ, а Аня — нет.

Она просто смотрела на него так, будто он только что подарил ей то, о чём она даже просить боялась.

После концерта они ждали Макса у служебного выхода. Аня делала вид, что замёрзла и хочет домой. Катя в очередной раз делала вид, что верит.

Макс вышел минут через десять, с гитарой за спиной и красным от волнения лицом.

— Ну? — спросил он. — Я был сегодня звездой?

— Почти, — сказала Аня.

— А если честно?

Она пожала плечами.

— Нормально.

Катя рассмеялась. Макс посмотрел на неё.

— Переведи.

— Ей очень понравилось.

— Белова!

— Что? Я учусь говорить правду.

Макс улыбнулся.

— А тебе?

Катя вдруг смутилась сильнее, чем ожидала.

— Мне тоже. Очень.

Они пошли втроем по вечерней улице. Снег начал падать неожиданно. Крупный, мягкий. Он таял на ресницах, на волосах, на плечах курток.

Макс шёл посередине. Катя справа, Аня слева.

Он рассказывал смешную историю о том, как перед выступлением перепутал листы с текстами и чуть не спел песню, которую написал для школьной медсестры вместо поздравления. Аня смеялась. Катя тоже.

И всё было почти идеально, если не считать того, что Катя всё время замечала, как Аня смотрит на Макса. И как сама ждёт, когда он посмотрит на неё. У дома Макс остановился.

— Мне туда, — сказал он, показывая в сторону остановки.

— А нам во двор, — сказала Катя.

Аня молчала.

Макс снял гитару с плеча, поправил ремень.

— До понедельника?

— До понедельника, — ответила Катя.

Аня наконец сказала:

— Песня правда была нормальная.

— Спасибо, Морозова. Когда-нибудь я заслужу от тебя слово «хорошая».

— Не обольщайся.

— Буду стараться.

Он улыбнулся ей. Это длилось всего секунду, но Катя успела заметить. Как заметила и то, как Аня потом шла молча до самого подъезда, прижимая руки к карманам и улыбаясь так, будто боялась, что улыбка сама выдаст её с головой.

— Он тебе нравится? — спросила Катя у гаражей.

Аня остановилась.

— Кто?

— Макс.

— Нет.

Слишком быстрый ответ. Катя посмотрела на неё. Аня отвела глаза.

— Просто он не полный идиот.

— Это у тебя комплимент?

— Огромный.

Катя кивнула.

— Понятно.

— А тебе? — вдруг спросила Аня.

Вопрос прозвучал легко, во в воздухе между ними почувствовалось напряжение.

Катя могла сказать правду. Могла сказать: «Да». Но она увидела Анино лицо. Румянец от мороза, розовые губы, подкрашенные тётёй Раей. И поняла: если сейчас скажет правду, что-то изменится.

— Он хороший, — сказала Катя.

— Я не это спросила.

— Я знаю.

Аня долго смотрела на неё. Потом усмехнулась.

— Ладно. Не хочешь — не говори.

— Ань...

— Всё нормально.

Но это было первое «всё нормально», которое прозвучало не особо искренне между ними.

Аня поднялась к себе. Катя осталась во дворе. Снег падал на гаражи, на мокрую лавочку, на пустые качели. На крыше, где когда-то сидела Аня, уже лежал тонкий белый слой.

Катя подняла голову к пятому этажу. Свет в Анином окне зажётся почти сразу. Раньше этот свет успокаивал. Сегодня почему-то нет. Катя стояла и смотрела на него, пока не замёрзли пальцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.